

№12
Декабрь 2006

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

 Внешторгбанк

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Курхули, Алена Деняга

№12⁽¹⁵⁾
Декабрь 2006

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ	4
ТРАДИЦИЯ	GIFT КАК ДАР	6
СОДРУЖЕСТВО	«МИР» - ПОСОЛ МИРА	10
ЮБИЛЕЙ		13
НОСТАЛЬГИЯ	«ГРУЗИЮ ЛЮБЛЮ ДАВНО, ГЛУБОКО И НЕЖНО»	16
ЗНАЙ НАШИХ!	СТРАДАНИЯ ВОСПИТЫВАЮТ ДУШУ	18
ЛЕНТА ПАМЯТИ	НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ	20
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	«ТЕАТР – ЭТО СОСТОЯНИЕ»	26
БАЛЕТОМАН	ЖЕМЧУЖИНА КЛАССИЧЕСКОГО БАЛЕТА	29
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	«ЗАБЫТЬ ЕГО НЕМЫСЛИМО...»	32
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	ДОГОНЯЮЩИЙ СЕБЯ	34
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	ОСЕНЬ ПАТРИАРХА	38
ДИАЛОГ КУЛЬТУР	«Я СЧИТАЮ СУДЬБУ СВОЮ ВПОЛНЕ СЧАСТЛИВОЙ»	42
ШЕДЕВР	ТАЙНА ОДНОГО ПОРТРЕТА	48
ПАМЯТЬ	СЛУГА ДВУХ ГОСПОД	50

ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ

Второй Всемирный конгресс российских соотечественников прошел в Петербурге. Его делегаты представляли 30-ти миллионную российскую диаспору за рубежом – одну из крупнейших в мире.

Как отметил спикер конгресса, председатель Правительственной комиссии по делам соотечественников, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, около 20 миллионов человек живут в странах ближнего зарубежья и еще 10 миллионов – в дальнем зарубежье. Но, несмотря на время и расстояния, диалог между российской диаспорой и исторической родиной не прерывался, он идет постоянно, и в последнее время – по нарастающей. Это обычная международная практика, причем развитые страны оказывают моральную и материальную поддержку своим зарубежным соотечественникам. В ходе конгресса были затронуты три важные проблемы – программа переселения соотечественников в Россию, укрепление роли русского языка и вопросы помощи соотечественникам за рубежом.

В Таврическом дворце собралось свыше 600 делегатов из 140 стран мира. Перед ними выступил президент Российской Федерации Владимир Путин, подчеркнувший, что сейчас в России сложились качественно новые условия. Главная цель – вывести отношения с соотечественниками за рубежом на качественно новый уровень. Президент акцентировал особое внимание на возможностях переселения русских в Россию, возвращения их на историческую родину. Россия сталкивается сегодня с демографическими проблемами (которые, по прогнозам специалистов, будут только нарастать). Отсюда – необходимость привлечения рабочей силы из-за рубежа, миграционные программы.

В начале октября правительство утвердило программу работы на трехлетний период. Она учитывает современные запросы, потребности, нужды соотечественников и позволяет оказывать им поддержку практически по всему миру. Основные направления – это юридическая защита прав соотечественников, организация отдыха детей, лечение ветеранов, поставка учебной и методической литературы, поддержка русских театров, переподготовка педагогов, работников средств массовой информации. В этом году на эти цели Россия выделила 323 миллиона рублей, на следующий – 342 миллиона, почти в семь раз больше, чем в 2000 году.

На первом пленарном заседании выступили руководители делегаций соотечественников из Украины Леонид Качура, Казахстана Алексей Лобов, губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко, председатель Международного Совета российских соотечественников Петр Шереметев, заместитель руководителя эстонской делега-

ции Андрей Завенков, президент Татарстана Минтимер Шаймиев, первый заместитель председателя Госдумы РФ Любовь Слиска. Послание патриарха Российского и всея Руси Алексия Второго зачитал владыка Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский.

В зале присутствовали представители законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, руководители ряда российских регионов, религиозных конфессий, СМИ, именитые соотечественники.

Основная дискуссия на форуме развернулась вокруг трех документов, принятых недавно в России – Программы работы с соотечественниками за рубежом на 2006-2008 годы, Федеральной целевой программы «Русский язык» (2006-2010г.) и Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию.

Само понятие «соотечественник» определено законом достаточно широко. Многие из тех, кто хочет переселиться, уже являются гражданами Российской Федерации. Для других же будет облегченный режим получения гражданства. Весь комплекс мер по трудоустройству пересе-

Участники конгресса

ленцев прорабатывается Федеральным центром и регионами, куда предусмотрена миграция. «Россия в принципе готова принять столько соотечественников, сколько их пожелает переселиться. Речь не идет о том, чтобы кого-то заманивать в Россию, а о том, чтобы создать цивилизованные условия для тех, кто хотел бы переселиться на историческую родину», – подчеркнул губернатор

Калининградской области (одного из 12 регионов для мигрантов) Георгий Боос, – «проще говоря, нужно помочь тем, кто хочет приехать в Россию. Мы нуждаемся в притоке людей одной с нами культуры, говорящих на одном языке, уважающих нашу страну». В то же время будет, наверно, неплохо, если реализация этой программы

Президент РФ В.В. Путин

создаст конкурентную среду на рынке труда и повысит востребованность соотечественников, их трудового и интеллектуального потенциала в тех странах, где они сейчас живут. Этот дополнительный эффект программы стал бы важным элементом поддержки тех наших сограждан, кто чувствует свою неустроенность.

На пленарном заседании выступил президент Союза российских соотечественников Грузии «Отчизна» Валерий Сварчук. В его выступлении подчеркивалось, что главный приоритет в работе с соотечественниками в Грузии – защита их прав и законных интересов, содействие сохранению русскоязычного пространства, помощь нуждающимся категориям граждан.

Как было отмечено на конгрессе министром иностранных дел Российской Федерации Сергеем Лавровым, в этом плане делается и сделано уже немало. Выделяются средства на юридическую защиту прав соотечественников, осуществляются поставки учебной, методической, справочной, художественной литературы на русском языке. В странах проживания соотечественников проводятся мероприятия по поддержке языковой и культурной само-

осуществляется поддержка русских театров за рубежом, организуется летний отдых и экскурсии детей в Россию, а также лечение и реабилитация ветеранов в отечественных и зарубежных медучреждениях, оказывается гуманитарная помощь особо нуждающимся соотечественникам. В последнее время активно работает Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом. Особое внимание уделяется сохранению русскоязычного пространства в странах проживания.

Во второй день конгресса шла работа в секциях, в которой активное участие приняли все члены грузинской делегации – председатель «Русского клуба» Николай Свентицкий, председатель Союза русских женщин Грузии «Ярославна» Алла Беженцева, председатель Ассоциации русскоязычных журналистов Грузии Михаил Айдинов, председатель Союза «Славянский Дом» Грузии Нелли Родионова, председатель Союза русской молодежи Грузии Александр Беженцев, председатель общества «Надежда» Ирина Сварчук, руководители организаций соотечественников: из Рустави – Вера Кузнецова, Виктория Попова, Марнеули – Наталья Верещагина, Кутаиси – Георгий Томаш, Батуми – Ирина Зем, Александра Анисимова, Арчил Гогитидзе.

По итогам работы конгресса были приняты решения, направленные на улучшение взаимодействия между Россией и соотечественниками. Один из результатов работы по организационному оформлению такого взаимодействия – создание Координационного Совета российских соотечественников. Членом совета от Грузии избран Валерий Сварчук, Алла Беженцева – председателем Комитета женщин-лидеров организаций 18 стран, входящих в Международный Совет российских соотечественников.

Участники конгресса выражали надежду, что посредством Координационного Совета будет налажен постоянный эффективный диалог между государственными, общественными, религиозными организациями, деловыми кругами, помогающими решению проблем соотечественников, их взаимодействию с исторической родиной; констатировали конструктивный характер

проведенной дискуссии, отмечая важную роль организаций и объединений российской диаспоры в сохранении и развитии Российского культурного и информационного пространства, в продвижении русского языка как языка международного общения, его объединяющую и консолидирующую роль и общих культурных ценностей и традиций. Убедена, что Всемирный конгресс соотечественников внесет в этот процесс серьезный

вклад. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность организаторам и Посольству Российской Федерации в Грузии за визовую и транспортную поддержку. Проведенные в Петербурге дни надолго останутся в нашей памяти.

АЛЛА БЕЖЕНЦЕВА

Н.Н. Свентицкий

бытности, организуются семинары и «круглые столы» для педагогов, творческих работников, журналистов, с целью повышения их творческого потенциала, обмена опытом с коллегами из России. Оказывается содействие участию творческих коллективов соотечественников в конкурсах и фестивалях, организуемых в Российской Федерации,

Gift как дар

Хилари Вуд:
«Грузины хотят обнять весь мир»

Как быстро летит время! Кажется, совсем недавно в Тбилиси проходил первый Международный фестиваль искусств «Gift» («Подарок») им. М.И. Туманишвили. Иностранцы, знавшие Грузию как «горячую точку», вдруг обнаружили, что она может быть и центром культуры. Уличные представления и шествия, фильмы, спектакли, выставки, встречи, мастер-классы... Здесь было все - и театральная эксцентрика для зрителей, и тбилисская экзотика для гостей.

Тогда, в 1997 году «Gift» называли окном в мир, а Тбилиси - Меккой искусства. Действительно, для Грузии, пережившей безвременье и ужасы войны, этот первый грандиозный праздник искусства стал символом возвращения к нормальной жизни. Каждый год фестиваль, несмотря на трудности, продолжал свое шествие благодаря энергии и упорству его организатора и художественного руководителя Кэти Долидзе, ученицы Туманишвили, выпускницы того легендарного актерско-режиссерского курса, который стал основой нынешнего Театра киноактера.

И вот в этом году - юбилейный, десятый «Gift», торжественное открытие которого проходило на сцене Тбилисского театра оперы и балета. Приветствия, выступления, вручение почетного приза фестиваля «За совершенство в искусстве». В этом году бронзовой статуетки Михаила Туманишвили были удостоены «старейшины» грузинского искусства: Лейла Абашидзе, Лия Капанадзе, Тенгиз Арчвадзе, а из иностранных участников - испан-

ский гитарист Пако Пенья. Один из самых почетных гостей фестиваля и его организаторов Хилари Вуд - английский театральный педагог и режиссер в своем приветствии сказала: «У грузин большое сердце, они хотят обнять весь мир, и это у них получается».

А дальше огромная сцена оперного была отдана «Пако Пенья Фламенко Компани». И страстные испанцы силой музыки, танца и пения захватили зал от партера до верхних ярусов. Виртуоз Пако Пенья, родом из Андалузии и с 12 лет выступающий на сцене, демонстрировал невероятное, почти оркестровое звучание гитары. Когда включался весь ансамбль, эффект и вовсе был потрясающим. Казалось, такого ритмического обвала эта сцена еще не знала. Здесь все рождалось из ритма - музыка, пластика, сама драматургия действия. Кастаньеты спорили с отточенными движениями и перестуком каблучков танцоров, все это подогревалось страстным вокалом и меняющейся световой гаммой. Действие превращалось в жгучий поединок - если дуэт, то любовный поединок с партнером, если соло - с самим собой. Со сцены шел мощнейший поток энергии, который заряжал зал и держал зрителей в каком-то азартном напряжении.

После такой эмоциональной зарядки можно было приступать к познавательной части фестиваля, который продолжает расширять свою театральную географию. Она распространялась на Европу, Израиль, США, а из ближайших соседей значился Азербайджан. Как всегда, большое место предназначалось России.

Но на этот раз широко распахнутое «окно в Рос-

сию» неожиданно захлопнулось – транспортная блокада. Приезд российских коллективов стал невозможен. В предварительной программе были заявлены спектакли в постановке Андрея Кончаловского «Мисс Жюли» по А. Стринбергу и Дмитрия Крымова «Аукцион» по мотивам А.П.Чехова. Готовился удивить тбилисцев своими экспериментами Санкт-Петербургский «Комик-Трест», где синтез музыки, танца, пантомимы, масок и клоунады дает поразительный результат. Но питерской «Белой сказке» в Тбилиси не суждено было сбыться. Не удалось нам полюбоваться и знаковой фотовыставкой Галины Кмит «Эти великолепные мужчины». А еще ожидался приезд режиссера Анатолия Васильева со своей фотовыставкой, а на закрытии фестиваля предполагался видеопоздравление его «Модерн и Сальери». Спектакли этого режиссера, педагога и экспериментатора в прошлый приезд имели широкий резонанс среди тбилисских театралов, и они ждали следующего «подарка» от него и встречи с мастером. Кроме того, был запланирован вечер поэзии легендарного для Тбилиси поэта Беллы Ахмадулиной.

Но политические игры оказались сильнее театральных. Как следствие, русский язык на юбилейном «Gift» почти не звучал со сцены. На этот раз доминирующим был английский. Причем, спектакли шли без перевода, но, судя по реакции зала, новое поколение зрителей оказалось хорошо подкованным.

Тбилисцы с нетерпением ждали новых английских спектаклей Хилари Вуд, которая сейчас и преподает, и много ставит со своими учениками. Ее связи с театром Туманишвили очень давние, еще со времен гастролей Театра киноактера в 1989 году в Лондоне, где впервые прогремел их «Дон Жуан». С тех пор контакты не прерывались, более того, все это время она вместе с Кэти Долидзе является организатором фестиваля. На сей раз Вуд представила своих воспитанников в пьесе Гарольда Пинтера «Коллекция», которую она поставила специально для фестиваля. «Это утонченное танго жизни и измены», - поясняет мысль сама режиссер. Сюжет - перипетии взаимоотношений любовных пар, одна из которых чисто мужская, где возникает то ли мифический, то ли реальный любовный треугольник. Над всем витает недосказанность. Это психологический театр абсурда с подтекстами и чисто английским скрытым юмором. В актерской игре – никаких следов Отелло и эмоциональных взрывов, все корректно и сдержанно, люди заняты самоутверждением в зыбкой любовной стихии.

Второй спектакль Хилари Вуд – контраст английскому «тихому омуту». Вуд погрузилась в бурную грузинскую стихию, хотя репетиции шли в Англии и на английском языке. Но пьеса была грузинская - «Запоздалый дневник» Тамары Бартая, и актриса – тоже грузинская. Это был моноспектакль Тамрико Бзиава, недавней выпускницы

Тбилисского университета театра и кино, уже успевшей сняться в кино и заявить о себе ролью Элизы Дулитл в «Пигмалионе». В «Запоздалом дневнике» неординарность в сюжете, где повествование идет от лица женского вечернего платья, в способе подачи текста, в манере актерской игры. Платье, сшитое в Париже и предназначенное только для удовольствий, в беспокойной Грузии последних лет становится свидетелем жестких реалий жизни, где в один клубок завязаны порывы молодости, надежды, потери и крушения. Моментальность реакций актрисы, неожиданность переходов, импровизационность – все это дает остроту восприятия.

У Бзиава низкий, своеобразный голос с едва уловимой хрипотцой, она музыкальна, а ее пластичность по-особому выразительна - она сочетается с юношеской угловатостью и непосредственностью. Спектакль очень динамичный, точный по режиссуре и актерским задачам, он предполагает спонтанность эмоций, а этого молодой актрисе не занимать. Представляя спектакль и исполнительницу, Хилари Вуд отметила одну деталь, недоступную другим ее актерам – Тамрико Бзиава может играть не только на английском (хотя она это делала впервые), но также на грузинском и на русском языках. От себя добавим, что это открывает пути на театральные фестивали разных стран.

Обилие моноспектаклей придало новый ракурс нынешнему фестивалю. Тем более, что они были в основном из США. Кэти Долидзе подчеркнула, что «моноспектакли в США – традиция, но это не от бедности, просто там любят самовыражаться».

Так, актриса и драматург Либби Скала «самовыражалась» через биографию своей знаменитой «оскароносной» бабушки Лилии Скала (спектакль «Лилия»). Это первая женщина-архитек-

тор Австрии, ставшая звездой театра Макса Рейнхардта, потом бежавшая от Гитлера в США, где вынуждена начинать все с нуля, а в результате она делает карьеру на Бродвее, телевиде-

нии и в кино. Актриса играет мягко, без нажима, без претензий на новации. Она как бы отождествляет себя с образом бабушки, вступает с ней в диалог, при этом, стараясь показать характерные черты разных людей, с которыми той приходилось сталкиваться в жизни.

Другая американская актриса Сюзан Клаасен и «Невидимый театр» представили спектакль «Беседы с Эдит». Эдит Хэд для Америки – знаковая фигура, это самый знаменитый дизайнер по костюмам, которая

одевала всех выдающихся кинозвезд Голливуда. Сцена превращена в квартиру героини, где выставлена уникальная коллекция фотографий кинозвезд и самой Эдит, ее эскизов и костюмов Фото на стенах, столиках, полках, даже на чемоданах и шляпных коробках. Зрители погружаются в мир фантазий художника и видят его реальные творения, выставленные тут же, на манекенах.

Актриса Сюзан Клаасен оказалась очень интересной и в жизни и на сцене. Стильная, несколько экстравагантная, общительная и открытая, она обратила на себя внимание уже на первой пресс-конференции. Главная ее особенность – поразительное внешнее сходство с героиней. Символ полной идентичности – это очки в тонкой черной оправе. В жизни актрисе очки не нужны, но как символ легендарной Эдит они всегда с ней – в виде броши на пиджаке. Актриса говорит, что настолько погрузилась в свою героиню, что на многие вещи стала смотреть по-другому – «эдитизм» ворвался в мою голову».

На сцене – полное перевоплощение и при этом абсолютная естественность. Сюзан играет немолодую даму, азартно погруженную в творческую работу, с чувством юмора и проницательным, всевидящим взглядом. Ее

героиня знает себе цену, поэтому ей незачем себя выстав- лять. Она может говорить о кинозвездах без пиетета, даже чуть небрежно и снисходительно. Чего стоит ее взгляд по- верх очков, молча обращенный к невидимому оппоненту! Она близко знала не только всех легендарных актеров, но и пикантные подробности их очарования. Она создавала неотразимость их форм. Грудь, ноги, талия, бедра – это было в ее власти.

Актриса строит роль на постоянном общении с залом, она рассказывает, показывает на манекене или даже на ком-то из зрителей ухищрения дизайнера, давая оценить и процесс творчества своей героини, и уникальность ее личности. Такое общение оказалось столь заразительным, что оно продолжалось и после спектакля. Зрители под- нимались на сцену, рассматривали фото и костюмы, за- давали вопросы, получали автографы актрисы, фотогра- фировались с ней. По сути, это было незапланированное второе действие, не менее зрелищное, чем первое.

Впрочем, поле общения у Сюзан Клаасен было дей- ствительно широким, она провела в Тбилиси несколько мастер-классов для студентов университета театра и кино. Хотя здесь она была не единственной: мастер-классы про- водила и другая американская актриса Молли Лайонс. В университете она была в качестве педагога, а на сцене в спектакле «Самая знаменитая женщина» она превраща- лась в ирландскую королеву пиратов Грейс О'Мейл. Жен- щина на палубе корабля, плывущего под парусами – это впечатляло.

Фестиваль – это разнообразие форм и жанров. Пожа- луй на «Gift»-2006 в этом никто не мог сравниться с изра- ильским Театром музыки и поэзии. «Письма к Орфею» в постановке Юлии Певзнер – зрелище интригующее. В ос- нове спектакля музыка: на сцене скрипичный квартет, за роялем – автор музыки и прекрасный исполнитель Ронен Шапиро. Сюжетом послужил цикл стихов Анат Шарон – письма Эвридики из ада. Звучали они на иврите, но на экране был и грузинский стихотворный текст в отличном переводе Хатуны Цуладзе. Сценическое действие, в кото- ром участвовали две актрисы, соединило в себе элемен- ты современного танца, пантомимы, поэтический текст и вокал. Такой синтез трудно себе представить в одном спектакле, но это многократно усилило эмоциональность и выразительность действия. Это философская притча о жизни, любви и смерти. Здесь нет конкретных событий, это состояние души. И для этого найден очень емкий, звучный, современный сценический язык, он смог выра- зить всю полноту трагедии человека одержимого, разди- раемого изнутри. Такой язык таит в себе большие возмож- ности расширения актерской выразительности.

Этот спектакль мог бы послужить мастер-классом для многих грузинских режиссеров и актеров. Очень жаль, что на «Gift»-2006 они мало интересовались работой своих зарубежных коллег. Это с горечью отмечали уст- роители фестиваля. Зато было много молодежи, и Театр киноактера задолго до спектаклей собирал зрителей, гос- тей и участников, здесь шли свои обсуждения с обычной полярностью мнений. Искусство другого народа – всегда неоценимый урок. А воспринимать это как достижение или неудачу – дело вкуса.

Под занавес фестиваля был показан один из экспери- ментов Свободного театра города Больцано (Италия). Спектакль «Электра» неоднозначен по многим парамет- рам: взята древнегреческая драматургия, поставленная в

Италии, но труппа не итальянская, а германоязычная. Дело в том, что город расположен на севере Италии, где проходит граница с Австрией, и говорят там в основном на немецком.

В трактовке режиссера и создателя Свободного театра Рейнхарда Ауэра трагедия Софокла превращена в модернистскую драму. А древнегреческий миф прозвучал как символ человеческого максимализма. Неукротимая жажда мести за смерть отца - цель жизни, призвание этой Электры (Габриэле Лангес). Дух бунтарства здесь превращается в беспредельную агрессию. Лидер по натуре, она вытравив в себе все женственное, перед нами существо с горящими ненавистью глазами, неукротимая как смерть.

И торжество ее страшно - злорадный смех при виде залитых кровью белых одежд Ореста и его окровавленного гроба. Здесь царит агрессивная непримиримость, где нет места пониманию других, состраданию. Если в современном обществе такова цена справедливости, то будущее видится мрачным.

Гости из Азербайджана такими пророчествами не грозили. Бакинский камерный театр под руководством Джаннет Селимовой привез трагифарс Беккета «В ожидании Годо», но ужасами не пугал. Напротив, это был спектакль зрелищный, игровой, насыщенный эксцентрикой и буффонадой, порой даже с переизбытком. Зато с элементами национального колорита. Его герои - обычные простолюдины, наивные, нелепые и смешные, но в них заложено здоровое человеческое начало. Владимир и Естрагон (Шовги Гусейнов и Сеидшах Мамедов) ищут смысл бытия и ждут того, кто указал бы им верный путь. Сильны они только своей верой. И вера их, несмотря на все мытарства, не разбивается. Режиссер наглядно показывает это: желтоватая пустыня с голым стволом засохшего дерева к финалу немного оживает в мерцающем свете, а на ветках прорезались редкие зеленые листочки. Два не очень счастливых человека смотрят вдаль, им остается только ждать. А вместе с ними и нам. Условный язык абсурдистской драмы на редкость понятен.

Одной из знаковых и самых заметных фигур фестиваля стал Рустам Ибрагимбеков. Перечислять все чины и регалии оscarоносного гостя слишком долго. Народный писатель Азербайджана, заслуженный деятель искусств России и Азербайджана, председатель Конфедерации союза кинематографистов стран СНГ и Балтии, председатель и основатель Азербайджанского культурного центра в Москве - на фестивале явился как сценарист, драматург, режиссер и продюсер.

Первое открытие для нас - его театр «Ибрус», созданный в 2001 году вместе с режиссером Рафиком Алиевым и группой актеров-единомышленников (расшифровывается просто: Ибрагимбеков Рустам). Театр, не имеет отношения к государству, он антрепризный. Интересен и перспективен «Ибрус» тем, что играют здесь на двух языках - азербайджанском и русском, место действия Баку - Москва. По мнению Ибрагимбекова, «русский язык исторически является языком межнационального общения. В труппе постоянно работают 8 актеров - то поколение азербайджанских артистов, возможно, последнее, которое свободно владеет двумя языками».

Театр поставил уже около 20 спектаклей, в его репертуаре пьесы и руководителя театра. (Можно выбросить))

На фестивале «Gift» театр показал свою работу «Ищу партнера для нечастых встреч», где Ибрагимбеков выступил как драматург и режиссер-постановщик. «Это реализация маниакального желания драматурга увидеть собственное творение на сцене. По вашей реакции я пойму, закрывать театр или еще нет», - поиронизировал на свой счет мастер.

Драматург за аскетический театр - в постановочном плане. Когда актер выходит на сцену, не имея никаких прикрытий, приспособлений. По Ибрагимбекову театр - сиюминутная жизнь духа. И зрители были тому свидетелями. Людей занимали не зигзаги сюжета и взаимных обид далеко не идеальных супругов, проживших вместе 20 лет, а то сокровенное, что лежит в глубине каждого человека. В результате вместо бравирующего мнимыми успехами на всех фронтах мужа (тонкое исполнение Фуада Поладова), мы видим трагедию заблудившегося, несостоявшегося мужчины, который находит в себе силы признаться самому себе и задать вопрос - как жить? Жена (заслуженная артистка Азербайджана Мехрибан Зеки), уставшая от бездарной лжи мужа о его научных и прочих достижениях, уже готова бросить все. Но когда муж - мнимый ловелас, перестает играть и пытается стать самим собой, она вновь оказывается рядом. Автор был прав, когда сказал, что другое название пьесы «Скованные одной цепью».

Ибрагимбеков показал на фестивале также свой новый фильм - исторический боевик «Кочевник» (Казахстан), где он выступил в качестве сценариста и ведущего продюсера. Картина предназначена для мирового проката, а рассчитана на зрители 14-18 лет. «Остальные должны относиться к ней снисходительно», - добавил продюсер, обращаясь к залу. Скажем сразу - снисхождения не потребовалось. На торжественном просмотре картины прошел мини-творческий вечер Ибрагимбекова, на котором было сказано много теплых слов, а Кэти Долидзе вручила гостю статуэтку Михаила Туманишвили.

Так завершился фестиваль «Gift», ставший одним из наиболее ярких событий культурной жизни столицы Грузии. Как всегда, он охватывал широкий спектр современных веяний искусства, отраженных не только в творчестве гостей, но и многих грузинских коллективов, включенных в программу фестиваля. Все расставались с надеждой на его продолжение в будущем году, где будут новые встречи, открытия и подарки. В числе подарков нынешнего фестиваля - трехтомник выдающегося режиссера и педагога Михаила Ивановича Туманишвили, вышедший на грузинском языке.

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

15-ЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ СНГ
II МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ КОНКУРС
«ЛУЧШИЕ ПРОГРАММЫ СОДРУЖЕСТВА»

ТЕЛЕВИДЕНИЕ
СОДРУЖЕСТВА

«МИР» - ПОСОЛ МИРА

В Санкт-Петербурге, в Мраморном зале Константиновского дворца состоялась церемония награждения лауреатов II международного телевизионного конкурса «Лучшие программы Содружества». Его организатор – межгосударственная телерадиокомпания «Мир». Конкурс проводился по номинациям: информационная, публицистическая, культурно-просветительская, научно-познавательная, музыкальная, развлекательная программы, программа для детей и юношества, игровой телевизионный фильм, телешоу. В качестве члена жюри от Грузии в город на Неве отправилась Нана Дарчиашвили, ведущая передачи «Лучшие рецепты грузинской кухни» представительства телерадиокомпании «Мир» в Грузии, актриса Тбилисского русского театра имени А. С. Грибоедова Нана Дарчиашвили.

В Санкт-Петербург поехал и директор грузинского представительства Бадри Начкебия. Приезд делегации из Тбилиси стал демонстрацией отношения грузинской интеллигенции к проблеме нынешних российско-грузинских отношений.

Руководитель Студии Ре Мамука Купарадзе представил на конкурс свой фильм «Честь, испытанная войной»

в номинации «публицистическая программа». Картина посвящена абхазской теме. Ее автор – грузин, который всю жизнь прожил в Сухуми. У него там были друзья, многие погибли, некоторые остались живы. Купарадзе с сожалением говорит о нелепости войны между грузинами и абхазами. Сейчас создатель фильма живет в Тбилиси, но часто приезжает в Сухуми, чтобы встретиться со своими друзьями, среди которых – писатели, актеры и просто близкие ему люди.

- Я отдала свой голос фильму Мамуки Купарадзе, - говорит Нана Дарчиашвили. - Самое страшное и нелепое, что было придумано человечеством, это война, когда люди противостоят друг другу с оружием в руках. Особенно если это братоубийственная война... Увы, фильм Мамуки Купарадзе не стал победителем. Первенство присуждено программе белорусских телевизионщиков «Салам алейкум, Ашхабад!» Это потрясающий, высокопрофессиональный фильм о туркмен-баши, об Ашхабаде, об уровне жизни туркмен, о законах этой страны. Но мне показалась более интересной тема грузинского фильма. Кстати, Мамука Купарадзе отправился со своей картиной в Молдавию... Мне

Константин Старыш (Молдавия) и Бадри Начкебия (Грузия)

кажется, тема войны и мира, тема Великой Отечественной сегодня очень актуальна, она объединяет нас всех. По истечении времени мы переосмысливаем уроки прошлого, и это должно помогать нам в разрешении сегодняшних проблем... Думаю, эта тема обязательно должна быть представлена на конкурсе «Лучшие программы Содружества» в отдельной номинации. Меня поддержали киргизский кинорежиссер, народный артист СССР Болотбек Шамшиев, другие члены жюри – Валентина Гуркаленко, руководитель киностудии «Леннаучфильм»; кинорежиссер Карен Геворкян (Армения), лауреат кинофестиваля «Кинотавр»; Вячеслав Булацкий, зав. кафедрой телерадиовещания Белорусского госуниверситета.

После отмены авиарейсов из Тбилиси в Россию, мне пришлось выехать в Петербург через Армению. Пользуясь возможностью, хочу через журнал «Русский клуб» поблагодарить наших армянских друзей и в первую очередь замдиректора армянского представительства «Мир» Олега Агаджаняна за прием и всяческую поддержку.

Перед тем, как отправиться в Петербург, Нана Дарчиашвили просмотрела 27 телевизионных программ – фильмов. Все они – номинанты конкурса. Их создатели представляли Молдову, Украину, Белоруссию, Казахстан, Азербайджан, Кыргызстан, Армению, российские регионы – Ямал, Татарстан, Удмуртию...

Очень интересную программу представили бакинцы. Ее ведет... подполковник Интерпола. Он снял уникальную передачу об истории Азербайджана, в которой переплетены судьбы народов, - рассказывает Н. Дарчиашвили. - Это нетрадиционный историко-архитектурный экскурс в прошлое Баку конца XIX – начала XX веков. Фильм стал победителем в номинации «культурно-просветительская программа»... Кстати, жюри возглавлял сценарист, драматург,

продюсер и режиссер Рустам Ибрагимбеков. Все было организовано на самом высоком уровне. Участники праздника, представители разных стран, не знакомые друг с другом, сразу подружились, нашли общий язык. У меня было ощущение, что я встретилась с родными, близкими людьми, по которым очень соскучилась. Мы просто не могли наговориться, темы не иссякали! И я поняла, насколько мы нужны друг другу, насколько крепко мы связаны... Желание искусственным путем разъединить, разрубить наши связи ни к чему хорошему не приведет. Да это и невозможно! В одной из бесед с участием режиссера и автора сценария цикла «Российская цивилизация. Истоки» Льва Чернявского, победившего в номинации «научно-познавательная программа», я сказала, что фильмы-номинанты нашего конкурса стали для меня во многом откровением. Потому что я лучше знаю сегодня, что происходит во Франции, США, Германии, чем в соседних Армении и Азербайджане, или в том же Кыргызстане.

Мне пришлось, по настоянию известного журналиста и телеведущего Матвея Ганапольского, который вел официальную часть церемонии, выступить. Как человеку искусства мне не очень хотелось погружаться в политику, в то же время была потребность сказать что-то важное и теплое для всех... И я сказала о том, как рвалась в Питер, как стремилась со всеми встретиться, как мечтаю о том, чтобы опять все были вместе. Выразила надежду, что все нормализуется в политическом климате, иначе быть не может... Я даже не удержалась от слез.

В рамках заключительных мероприятий участники конкурса не только обсудили номинантов и наградили победителей, а также назвали «Телеперсону» - Ассоль Молдокматову (Кыргызстан), полюбовались достопримечательностями Петербурга и государственного художественно-архи-

тектурного дворцово-паркового заповедника Петергофа. В ресторане «Константиновский» был устроен праздничный прием с музыкальной программой. Атмосфера веселья настолько увлекла гостей, что они выступили с экспромтными номерами. Знаменитая «Тбилисо» в исполнении Наны Дарчиашвили нашла живой отклик аудитории. Захватила зрителей и лезгинка, которую лихо сплясали гости из трех

Л.Аббасова (Азербайджан), Б.Шамшиев (Кыргызстан), Н.Дарчиашвили (Грузия), С.Федорова (Казахстан)

М.Саргсян (Армения) и Н.Дарчиашвили

государств Южного Кавказа. Наградой каждому стал шоколадный «Оскар».

Никто не станет оспаривать то, что одна из самых лучших форм объединения людей – застолье. Пожалуй, ничто так не сплачивает, как общение за праздничным столом. Тем более если на нем – разнообразные блюда национальной кухни.

- Проект прошел в Москве на «ура», - сказала Н. Дарчиашвили, - и шефы предложили нам его продолжить. Правда, сейчас финансирование прекращено, но мы не намерены сдаваться... В итоге мы выпустили двенадцать передач. Этот цикл настолько понравился москвичам, что они посоветовали национальным представительствам и филиалам «Мира» повторить наш опыт – поделиться тайнами своей кухни. В программе «Лучшие рецепты грузинской кухни» участвуют два человека – ведущая программы, которая знакомит телезрителей с историей рождения того иного блюда, и повар – непосредственный исполнитель, раскрывающий секреты технологии приготовления кушанья. Передачи готовились в основном в ресторане «Старый дом» - это спонсоры. Большой интерес вызвала уже самая первая передача.

По словам Бадри Начкебия, у компании все еще впереди. Проекты обсуждались на традиционном совете дирек-

торов «Мира», который проходил в те же дни, что и церемония награждения победителей конкурса.

- Жаль, что не было прямой трансляции из Константиновского дворца, - считает Б. Начкебия. - Такие конкурсы заслуживают особого внимания общественности. Нужно принимать активное участие в экономических, культурных, научных связях. Не думаю, чтобы это кому-нибудь принесло вред. Ведь многообразные отношения складывались на протяжении многих десятилетий, и от их развития будет польза как грузинскому народу, так и другим народам, проживающим на территории Содружества. На совете директоров «Мира» обсуждалась текущая работа организации, главным образом внутренние проблемы. Одна из них – получение новых частот. Сейчас мы вещаем на частотах в Беларуси, Казахстане, Армении, Кыргызстане. В остальных государствах СНГ – через кабельные сети.

Сегодня наша аудитория насчитывает 33 миллиона человек. Сама телерадиокомпания возникла в 93-м, а грузинское представительство – в 96-м, хотя постановление о его создании вышло годом раньше. Частично, очень незначительно, она финансируется из бюджета Грузии. В основном же финансирование осуществляется из средств консолидированного бюджета телерадиокомпания «Мир», поступающих в первую очередь из бюджетных ассигнований государств-учредителей, из средств, полученных от коммерческой деятельности телекомпании, а также от предоставления коммуникационных услуг телекоммуникационной системы «Мир». Это главным образом информационные программы стран СНГ, культурно-познавательные программы. В передаче «Республика сегодня» один раз в месяц каждая страна Содружества рассказывает о различных аспектах национальной жизни. Еще одна программа – «Спорная территория», которую ведет Матвей Ганапольский. Ее цель – разобраться в тех или иных сложных, спорных вопросах с привлечением экспертов. Передача выходит дважды в неделю – по средам и четвергам. Еще одна программа – «Хит-экспресс». Она посвящена достижениям молодежной эстрады. Необходимо, чтобы не только телевизионщики, но и общество в целом налаживало и расширяло контакты со странами СНГ. Жаль, что в конкурсе на лучшую телепрограмму участвовала от Грузии только Студия Re.

- В грузинском представительстве телекомпании тоже были подготовлены интересные проекты, не так ли?

- Был цикл передач «На холмах Грузии» - о русскоязычных поэтах, живущих в Грузии. Мы стремились показать общественности, что в Грузии нет русофобских настроений, что, несмотря на сложные перипетии нашей жизни, русское население принимает активное участие в культурной жизни государства. Удачен проект «Лучшие рецепты грузинской кухни». К сожалению, телевидение стран Содружества отпугивает потенциальных спонсоров, они не хотят сотрудничать с нами. Нонсенс!

В перспективе многое зависит от реалий современной политики. «Мир» открыт как для стран Содружества, так и для других государств. Собираемся провести рекламную кампанию о Грузии. Уже сняли одну передачу о разных уголках нашей страны. Она будет иметь формат «Клуба кинопутешественников». Надеемся таким образом содействовать развитию туристического бизнеса в Грузии.

Грузинское представительство уповает на то, что в нашем регионе и за его пределами сохранится мир. И тогда будет и наш «Мир»!

ИННА БЕЗИРГАНОВА

УВАЖАЕМЫЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ!

Позвольте от имени Правительства Москвы, Мэра Москвы ю.М. Лужкова и от себя лично сердечно поздравить Вас с 50-летием со дня рождения.

Свой знаменательный юбилей Вы отмечаете в расцвете творческих и духовных сил, полным новых замыслов и интересных проектов.

За активную творческую деятельность на посту генерального директора и художественного руководителя Тбилисского академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, который недавно отметил свое 160-летие, за вклад в развитие и укрепление российско-грузинских связей Вы удостоены высокой российской государственной награды – ордена Дружбы.

Мы высоко ценим Вашу общественную деятельность как президента Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» и члена Правления Международного Совета российских соотечественников, способствующую сохранению и развитию духовных и культурных традиций российских соотечественников, проживающих в Грузии, укреплению их связей с исторической Родиной и ее столицей.

Желаю Вам, уважаемый Николай Николаевич, креп-

кого здоровья, дальнейших творческих успехов, осуществления новых театральных проектов и обменов между Тбилиси и Москвой.

Удачи Вам во всех Ваших делах и начинаниях!

Руководитель Департамента международных связей города Москвы **Г. Л. Мурадов**

ВТБ

УВАЖАЕМЫЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ!

От имени Правления и коллектива Внешторгбанка сердечно поздравляю Вас со знаменательным событием – Вашим пятидесятилетием.

Всею своей деятельностью на посту Президента клуба и директора театра Вы всегда служили Ее Величеству Музе, а также многого достигли в деле сохранения и поддержания русской культуры и русского языка в Грузии. Ваш талант актера и руководителя получил широкое признание и высокую оценку в самых разных кругах деловой и театральной общественности.

Ваш большой творческий потенциал, забота о своем деле вселяют уверенность в то, что имя возглавляемого Вами театра навсегда останется вписанным в страницы

мировой драматической культуры.

Мне очень приятно отметить, что Внешторгбанк оказывает поддержку Вашему замечательному театру и гордимся своей причастностью к поддержанию традиций русской культуры в Вашем регионе.

Желаем Вам, уважаемый Николай Николаевич, здоровья, дальнейшего процветания, успехов и новых побед.

С уважением, член правления, старший вице-президент Внешторгбанка **В.Н. Титов**.

ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ!

Есть санскритская молитва: «Дайте мне безмятежность, чтобы принять неизбежное. Смелость, чтобы изменить то, что может быть изменено. И мудрость, чтобы знать разницу!»

Пятьдесят лет – это тот рубеж, когда опыт и сила идут рядом. Это счастливый возраст, объединяющий два слова: «еще» и «уже».

Секретариат МСРС поздравляет Вас, дорогой Николай Николаевич, с юбилеем, который Вы встречаете умудренным опытом, идущим с поднятой головой по жизни, оставляя позади себя добрые дела, помогая нашим соотечественникам и каждый вечер даря многочисленным зрителям Вашего театра удивительную палитру эмоций и неизгладимых впечатлений.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, уверенности в собственных силах, новых творческих успехов и искреннего человеческого счастья.

Исполнительный секретарь Международного Совета Российских Соотечественников **В. П. Дурнев**

ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ!

Примите самые искренние и сердечные поздравления с юбилеем! Мы любим вас, дорожим нашим общением и желаем вам от всей души такой же завидной энергии, жизнелюбия, здоровья, душевных сил. Ваша многообразная деятельность необходима большому количеству людей, поэтому как можно дольше сохраняйтесь для всех нас.

Искренне ваши

Александр Калягин и Центр поддержки русских театров за рубежом

ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ!

Большой драматический театр им. Г.А. Товстоногова спешит поздравить Вас с замечательным юбилеем!

Вы – талантливый директор русского драматического театра им. А.С. Грибоедова в Тбилиси, который во многом благодаря Вам успешно работает в труднейших

условиях. Вы организовали и провели блистательный юбилей первого русского драматического театра на Кавказе, благодаря Вам, именно Тбилиси первым отметил трехсотлетие Петербурга, юбилей Георгия Александровича Товстоногова и многое другое. Ваш театр участвует в фестивале «Русские театры стран СНГ и Балтии», Вы – организатор выставок, фестивалей, концертов выдающихся русских артистов. Ваши идеи и творческая энергия питают русско-грузинское культурное сотрудничество.

Здоровья Вам, радости, гармонии во всем и, конечно, процветания под Вашим руководством дружественному нам русскому театру им. А.С. Грибоедова в Тбилиси.

Ваши **Кирилл Лавров, Темур Чхейдзе, Алиса Фрейндлих, Олег Басилашвили, Геннадий Богачев, Андрей Толубеев, Валерий Ивченко, Ирина Шимбаревич** и весь коллектив БДТ им. Г.А. Товстоногова

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ!

Дирекция и художественное руководство Государственной Академической Капеллы Санкт-Петербурга им. М. И. Глинки поздравляет Вас со славным юбилеем. Высоко ценим Вашу культурно-просветительскую деятельность во благо России.

Спасибо, что есть такие люди как Вы, которые за много тысяч километров от Отчизны работают во Славу России.

Многая вам лета!!!

Художественный руководитель, народный артист СССР, лауреат Государственных премий России, профессор **В.А. Чернушенко**

УВАЖАЕМЫЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ!

Нам очень приятно присоединиться к многочисленным поздравлениям по случаю Вашего прекрасного юбилея.

Примите наши самые добрые и искренние пожелания крепкого здоровья, удачи во всех Ваших делах и начинаниях!

Счастья, процветания и всего самого Вам наилучшего!

Заслуженный артист РФ **Валерий Михайловский** и весь коллектив Санкт-Петербургского государственного мужского балета

ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ!

Группа ДДТ поздравляет тебя с юбилеем. Желаем счастья, добра, ангелов на плечах, музыки в душе. Мира и процветания Грузии, замечательным, добрым и светлым героем которой ты являешься.

Коля – ты надежный, связующий мост между нашими народами в эти нелегкие времена! Всегда до встречи!

С уважением,

группа ДДТ: **Игорь Тихомиров, Константин Шумайлов, Владимир Дворник, Иван Васильев, Михаил Чернов, Юрий Шевчук**

ДОРОГОЙ КОЛЯ!

Сейчас, когда ты с друзьями сидишь за праздничным столом, позволь сердечно тебя поздравить с серебряным

хочется сказать большое спасибо судьбе за то, что она дала нам возможность быть знакомыми с тобой, а некоторым даже называться твоими друзьями. Нельзя переоценить те замечательные качества, которыми наделила тебя природа. Из этих качеств, несомненно, необходимо отметить твою удивительную способность решать любую возникающую проблему, причем, эта проблема не обязательно твоя, она может быть проблемой любого из нас, а решить ее все равно мы просим тебя, и ты берешься за это, часто в ущерб себе, навлекая на свою голову незаслуженную хулу злопыхателей и завистников. Твоя открытость, граничащая с абсолютной неуязвимостью, твоя мягкость, граничащая с железной твердостью в достижении цели, твоя доброжелательность, граничащая с целесообразностью, твой абсолютный профессионализм во всем, за что ты брался и берешься, твой незаурядный ум и фантастическая логичность всех твоих решений, твоя доброта, граничащая с необычайной широтой натуры и щедростью, когда кто-то нуждается в твоей помощи, - все эти качества твои, и уже никто и никогда ни отнять, ни поколебать их не сможет.

Мы глубоко уважаем и любим тебя, и нам очень радостно оттого, что у каждого из нас, твоих друзей, есть возможность просто войти в твой дом, или кабинет, где нас встретят с приветливой улыбкой, как своих. Мы глубоко благодарны тебе за все то, что ты сделал уже и продолжаешь делать для театра имени

Грибоедова, само существование которого в наше очень беспокойное время уже теперь навсегда будет связано с твоим именем. Каждому, кому удалось побывать на недавнем 160-летии театра, навсегда запомнится тот королевский прием, который был оказан всем гостям этого воистину фантастического и прекрасного праздника, главным организатором, вдохновителем и руководителем которого был ты.

Сердечно поздравляя тебя, мы от всей души желаем тебе доброго здоровья и счастья. Ты заслужил это и имеешь право быть счастливым. Да будет так!

С любовью. Всегда твои:

Елена Килосанидзе, Ефим Байковский, Нина Артуновская, Элизбар Кухалеишвили, Лариса Крылова, Ирина Сташевская, Лариса Некипелова, Инна Савронская, Татьяна Ельчанинова, Нелли Абрамова, Анатолий, Смирнин, Татьяна Загребельная, Игорь Пилиев, Майя Кобахидзе, Нонна Плотникова, Елена Чарквиани, Александр Топурия,

Светлана Головина, Юрий Светлый (Гевеняи), Анна Смирнова, Армен Зурабов, Владимир Семин, Александр Раквиашвили, Гарри Параджанов, Елена Пискунова, Марина Николаева, Анна Макагон, Земфира Бокоева, Волемир Грузец, Тамара Соловьева, Борис Казинец, Светлана Казинец, Зинаида Талоева, Александр Гарин, Виктор Захаров, Татьяна Жиронкина, Михаил Иоффе, Нина Иоффе, Замира Григорьян, Алексей Батиашвили, Нора Кутателадзе, Маргарита Минеева, Софья Черкезишвили, Роман Пахлеваниянц, Юрий Юрченко, Валентина Кудряшева, Заур Квижинадзе.

юбилеем (золотой - 75, алмазный - 120!). Сохраняй и дальше любовь к жизни, любовь к друзьям, любовь к Грузии! В твой день подымаю бокал вместе с тобой - и за тебя, за твое здоровье, успехи и удачу. У нас говорят: «Живи до ста двадцати как до ста - а там посмотрим!»

Любящий тебя твой друг **Давид Маркиш**

ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ!

В эти дни, когда ты отмечаешь свой замечательный полувековой юбилей, нам, твоим друзьям и почитателям,

«ГРУЗИЦЮ ЛЮБЛЮ ДАВНО, ГЛУБОКО И НЕЖНО»

ЕВГЕНИЙ ЛАЗАРЕВ
народный артист России, режиссер

То, что полтора десятилетия назад происходило да и сейчас происходит в Грузии, никак не вяжется с моим представлением о Грузии, с понятием «Грузия». Как бы непроизвольно возник рубеж «до» и «после». Для меня лично Грузия (в которой я был несколько раз и где у меня много друзей) – это только «до». Как это объяснить, не знаю, но это так. И потому я буду говорить только о том, что было «до».

По-моему, ни одна нация на свете не выражает себя так полно через искусство, как Грузия. В этом легко убедиться. Достаточно вспомнить грузинское кино, полотна Пиросмани, многоголосное пение, театр Резо Габриадзе, тосты грузинского застолья, наконец. Грузинское искусство откроется во всей глубине, если поймешь, что оно несет в себе ритуальное чувство красоты и проникнуто библейской мудростью. Мне всегда казалось, что грузины очень близки к Богу.

Одно из главных эмоциональных потрясений – горы. Но одно, даже самое сильное описание не соответствует тому, с чем ты встречаешься. Русский романтизм питали эти горы. Помните, сколько времени сюжет «Демона» «висел» у Лермонтова «в воздухе», не удовлетворял его, пока он не нашел земных корней, не «посадил» поэму на грузинскую почву. Вот тогда, а это был, если не ошибаюсь, пятый вариант, все стало органичным и гениальным.

В детстве я десять лет прожил в Сибири. Именно там впервые познакомился с грузинским кино («Георгий Саа-

кадзе», «Давид Гурамишвили»), с выдающимися актерами Акакием Хорава, Верико Анджапаридзе, Натой Вачнадзе. Позднее, когда я связал свою жизнь с театром, у меня была незабываемая встреча с «Царем Эдипом», со спектаклем, который до сих пор жив в памяти московских театралов. Мне посчастливилось видеть всех трех исполнителей главной роли – Акакия Хорава, Серго Закариадзе и Эроси Манджгаладзе.

«Через» грузин я понял, что такое Шекспир, который оказался «своим» на грузинской сцене.

Не допускаю мысли, что наши вековые культурные и человеческие связи могут вдруг, в одночасье, распасться. Хочу верить, что в самое ближайшее время мы вновь (как и прежде) будем регулярно знакомиться с новыми работами друг друга и искренне радоваться очередным достижениям, новым именам (увы, мы почти не знаем молодую смену грузинского театра) и на следующий юбилей Грибоедовцев приедем в полном составе, всем театром. Не пугайтесь, шутка! Отделегируем только самых достойных.

ВЯЧЕСЛАВ ЕЗЕПОВ

народный артист России, Малый театр

Задолго до того, как мне довелось побывать в Грузии, я много слышал о ней в семье замечательного актера и режиссера Василия Осиповича Топоткова. Особенно часто там говорили о Медее Джапаридзе и, естественно, мне очень любопытно было увидеть ее «вживе» и познакомиться с ней. Наконец встреча состоялась – Медее вместе с мужем Резо Табукашвили пришли в гости в семью

Василия Осиповича. Не ошибусь, если скажу, что первые впечатления о Грузии у меня связаны именно с этой красивой, талантливой, необычной парой.

Незабываемы были для меня и гастролы Малого театра в Тбилиси. Безусловно, тбилисский зритель совершенно особый (во всяком случае, так было в те годы). При всей взыскательности и требовательности, он необыкновенно щедр душой, эмоционален, доброжелателен. Как смотрели, как слушали спектакль! А что творилось после его окончания за кулисами – зрители шли и шли, несли цветы, благодарили, осыпали комплиментами, приглашали в гости. Мы побывали на новоселье, на днях рожденья и просто в гостях у зрителей. Особенно нам запомнился интересный, теплый дом драматургов Инги Гаручава и Петра Хотьяновского (позднее мы смотрели в театре им. Марджанишвили их пьесу «Варлам – сын Захария», поставленную Темуром Чхеидзе с прекрасным Учанеишвили в главной роли). Открытость, радушие, искреннее гостеприимство нас полностью покорило. Мы ходили и все время повторя-

ли: вот как надо жить, вот так и должны сосуществовать народы.

Самое яркое впечатление того времени – обед у Медини и Резо. Прекрасный стол во главе с красавицей хозяйкой – это впечатление на всю жизнь. После дивного застолья (а была приглашена чуть не вся труппа во главе с Еленой Николаевной Гоголевой, Борисом Львовым-Анохиным, Леонидом Хейфецом) разгорелся жаркий спор о режиссуре, о путях развития искусства. Актерские темпераменты «схлестнулись» довольно круто, но тут появился Резо, начал показывать фамильные охотничьи ружья, рассказывать всякие охотничьи байки и быстро разрядил обстановку.

Потеря того культурного обмена, который на протяжении десятилетий питал наши народы, особенно остро ощущается людьми искусства. Будем верить, что этот «переходный период» скоро закончится.

МАРИНА СВЕТАЕВА

театровед, кандидат искусствоведения

Я всегда замечала, что на гастрольных спектаклях грузинского театра в Москве (которыми в прежние годы нас баловали весьма часто) неизменно царит особая, ни на что не похожая, атмосфера. Словно воздух в фойе и в зрительном зале становился необычным – то ли пронизанным горячим солнцем, то ли наполненным ароматом грузинских вин, то ли наэлектризованным южным темпераментом гостей. Не знаю в чем дело, только публика, входя в театр, еще до начала спектакля, словно слегка пьянела

и возбуждалась от этого воздуха, охваченная настроением радости, легкости, праздничности...

Помнится многое. Вот хотя бы великолепный спектакль Темура Чхеидзе «Отелло». Он был замечателен нечастым в театре равноправным и равнопрекрасным дуэтом Отелло и Яго, дуэтом, в котором были не просто два прекрасных исполнителя мастерски играющие свои роли. Отар Мегвинетухуцеси и Нодар Мгалоблишвили силой и яркостью артистических индивидуальностей явили каждый свой особый мир. Эти миры были не то что несхожи, они были несовместимы, они не могли сосуществовать. И это противостояние было очень сильным. А еще восхищал и изумлял в этом спектакле свет; он становился его важнейшей действующей силой, исполненной глубокого смысла. Оживая, обретая объем, движение, свет передавал противоборство сияния и тьмы, счастья и ненависти, гармонии и хаоса...

Будем верить, что в скором времени гастролы грузинского театра в Москве вновь станут нашей частой радостью.

Ну а пока что мы искренне радуемся возможности знакомиться с работами Темура Нодаровича на сцене БДТ имени Г.А. Товстоногова (все мы помним, что начальные годы творчества этого выдающегося режиссера были связаны на протяжении восьми лет с Русским драмтеатром в Тбилиси).

К сожалению, за последние годы мы видели немного из того, что было создано молодым поколением грузинских деятелей театра. Исключение – блестящий спектакль режиссера Андро Энукидзе, поставленный по «Запискам из мертвого дома» Ф.М. Достоевского в Омском театре, показанный каналом «Культура».

Беседовала ДОНАРА КАНДЕЛАКИ

СТРАДАНИЯ ВОСПИТЫВАЮТ ДУШУ

Екатерина Ивановна из спектакля «Женщина» по одноименной пьесе Л. Андреева, Эльвира из мольеровского «Тартюфа», графиня Брюс из «Екатерины Великой» Е. Греминой, «странная» героиня из трагифарса «Рашен блюз», Тамара из володинских «Пяти вечеров», сваха из «Ханумы» А. Цагарели – все это она, такая разная и всегда интересная, умная актриса Людмила Артемова-Мгебришвили. На днях она предстала в роли Наташи в спектакле «Мастер и Маргарита».

- «Мастера и Маргариту» впервые прочитала в студенческие годы и с тех пор поклонница этого романа и его автора, - говорит актриса. - Правда, с этим произведением связана некая мистическая тайна, но, надеюсь, ничего плохого с нами не произойдет. Я очень хотела быть занятой в этом спектакле. У меня в новой постановке небольшая роль, но это меня несколько не смущает. С годами я любила небольшие роли. Предпочитаю выступать в эпизоде, но в хорошем, интересном спектакле, чем в главной роли, но в неудачной постановке. Когда я посмотрела совсем еще сырой прогон «Мастера», после показа известного телесериала - а я его восприняла равнодушно - мне показалось, что булгаковский материал более интересен для сцены. Эффекты, полеты больше потрясают в театре, чем на экране. Автандил Варсимашвили предложил очень ин-

тересное режиссерское решение, в спектакле есть яркие актерские работы.

- Недавно увидели вас в бесспорно удачной, на мой взгляд, роли графини Брюс в спектакле «Екатерина Великая». Вам было интересно работать в постановке, в основе которой литературный материал, весьма далекий по качеству от того же Булгакова?

- Вот этот момент был для меня большим тормозом. Я приступала к репетициям с очень тяжелым сердцем, хотя как человек ответственный должна была работать с полной отдачей. Но репетиционный процесс был для меня трудным...

- Зато результат получился отличным. Актерски вы раскрьлись с неожиданной стороны.

- Несмотря на недостатки литературного материала, постепенно я увлеклась работой. Прежде всего потому, что мне понравилась роль.

- Потому, что актерам вообще интересны отрицательные роли?

- Не только поэтому. Почему-то считается, что отрицательные роли играть интереснее. Но мне кажется, гораздо сложнее воплощать на сцене образ положительного героя. Зритель должен полюбить, поверить в него. Задача актера

- сделать положительного героя живым, очеловечить. Отрицательные герои всегда ярче выписаны...

- Значит ли это, что мы гораздо охотнее верим в негативные проявления человеческой природы, чем в благородство, доброту?

- Наверное, это так. Мы по природе недоверчивы и в плохое верим легче, чем в хорошее. Когда это касается другого человека.

- Однажды вы сказали, что семейные радости для вас важнее сцены. Но далеко не все актеры разделяют такую точку зрения...

- Для меня так было всегда. А с годами я только укрепляюсь в этом своем убеждении. Никогда во главу угла профессию не ставила. Вот представьте себе, если у вас в семье все хорошо, но не ладится на работе – это неприятно, но можно пережить. Найти другую работу, например... Но когда плохо в семье, это катастрофа!

- Для многих неудачи в карьере тоже катастрофа!

- Мне жаль этих людей. По-моему, здесь говорит только актерское тщеславие – и больше ничего! То, что я ставлю семейное благополучие на первое место, – вполне естественно. Театр – это наша работа и ничего больше. Работа, которую нужно честно, профессионально выполнять.

- А как же вдохновение, самосожжение?

- Когда ты получил роль, ну и сгорай себе на здоровье! Но не в ущерб своей семье... В то же время, если я на первое место ставлю свою семью, это совершенно не мешает мне с такой же самоотдачей работать на сцене. Одно другому не мешает.

- Галина Вишневская сказала как-то, что счастливая семейная жизнь – условие счастливой карьеры, и наоборот.

- Должна быть гармония. Но в то же время страдания, переживания, жизненные неурядицы воспитывают душу.

- Какая роль или жизненные обстоятельства воспитали вашу душу?

- Был такой момент. До поры до времени я не знала, что такое настоящее горе, и мне было очень трудно на сцене заплакать, то есть вызвать в себе необходимые эмоции. Когда не знаешь почему фунт лиха, очень трудно передать горе на сцене. Перелом в моей актерской судьбе произошел после смерти отца, как бы это кошунственно ни звучало, пережитое горе помогло в дальнейшем играть драму и трагедию.

- Какая работа потребовала максимума вашей души?

- Была одна роль, которая эмоционально меня буквально потрошила. Считаю ее лучшей своей работой – это Ольга из пьесы Людмилы Разумовской «Сад без земли». У нас в театре спектакль назывался «Сестры». В этой постановке был великолепный актерский ансамбль, потрясающие роли. После спектакля я несколько минут молча сидела в гримерке, не в силах даже снять грим...

- Чего не случилось в вашей актерской судьбе?

- Моей несбывшейся мечтой осталась Настасья Филипповна. Еще мечтала о Раневской, но эту роль, слава богу, сыграла. Очень жаль, что не сыграла Машу в «Трех сестрах». Безумно сожалею, что не сыграла Наталью Петровну из пьесы «Месяц в деревне». На эту роль я тоже уже была

назначена, но спектакль не состоялся. То же произошло и с шекспировской Гертрудой... Обидно!

- Была у вас такая этапная работа – в спектакле «Женщина» Леонида Андреева... Ваша героиня чем-то близка Настасье Филипповне.

- Это была хорошая компенсация несыгранной роли.

- Чем вам была интересна Екатерина Ивановна?

- Тем, что она женщина. В этой роли было столько женского!

- Эта чертовщинка?

- Конечно.

- Но ваша героиня кончает трагически. Значит, настоящая женщина – это обязательно противоречивость, существование на разрыве, стерженность, гибельность страстей?

- Наверное. Поэтому нужно делать какой-то выбор. Если этот выбор сделан в пользу семьи, благополучия твоих близких, тогда трагедии, наверное, можно избежать.

- Должны работать тормоза?

- Конечно. Потому что эти женщины – Настасья Филипповна, Екатерина Ивановна – так и кончили, что слишком любили себя.

- В основе этой противоречивости женского характера эгоцентризм?

- Да. Женщина не должна быть эгоисткой, ни в коем случае. То, что позволено мужчине, не позволено женщине. Должны быть, как вы сказали, тормоза.

- Эти тормоза у вас всегда срабатывали?

- Обязательно. Разум должен быть на первом месте.

- В «Портрете Дориана Грея» Оскар Уайльд изобразил актрису, которая, полюбив, перестала быть интересной на сцене. Действительно ли, чтобы играть любовь, актрисе

нужно обладать холодным сердцем?

- Не согласна. С холодным сердцем на сцене вряд ли что-нибудь получится. Нужен синтез сердца и ума, эмоций и профессионализма.

- Слышала от одного известного актера, что настоящий духовный контакт со зрителями, так называемый момент истины, возникает у него очень редко – это когда дышишь с залом одним дыханием...

- Многие зависит и от зала, и от того, как ты работаешь в этот день. Есть спектакли, на которых «вольтова дуга» возникает почти всегда. Так было на спектакле «Сестры»... Очень любила «Рашен блюз». Когда выходила на сцену, чувствовала, как зал замирает, слушает. Особенно в паузах, ключевых моментах спектакля. К сожалению, не очень получились «Пять вечеров». Замечательная пьеса, прекрасная роль, но... Я уже остыла к этой работе.

- Может, коллизия володинской пьесы устарела?

- Не думаю. Люди так же любят, у них так же не складываются судьбы...

- Вам ближе психологический театр или вы любите зрелищные формы?

- Люблю психологический театр, но и театр формы мне тоже интересен. Замечательно, когда одно дополняет другое. Сегодня надо стараться выпускать спектакли зрелищные, постановочные, но актеры должны понимать, зачем и во имя чего поставлен тот или иной спектакль и что происходит на сцене с персонажем.

- Вы окончили ВГИК. Но, насколько мне известно, изначально вы не собирались стать актрисой и видели себя на другом поприще.

- Было просто абстрактное желание, присущее каждой

девочке, – стать актрисой. Но я никак к этому не готовилась и в то же время готовилась поступать на медицинский. Кстати, очень жалею, что не стала врачом. Мне кажется, я была бы прекрасным врачом... Однако совершенно случайно я прочла в «Комсомолке», что во ВГИК объявлен набор, и решила попробовать. Прошла первый тур, сдала выпускные экзамены в школе, потом прошла второй тур, получила аттестат зрелости и сдала документы во ВГИК. Кстати, в школе училась очень хорошо – окончила на золотую медаль.

- А кто принимал у вас экзамены во ВГИКе?

- Борис Андреевич Бабочкин. Я прочтала стихотворение Пушкина, совсем не женское, но оно мне очень нравится, – «Желание славы». Вообще обожаю поэзию, и мои любимые поэты Пушкин и Есенин... Из прозы прочтала бунинский рассказ «Темные аллеи». Не знаю, что тогда я могла понимать в этом произведении.

- А желание славы было?

- Тогда было, сейчас нет. Прошло.

- В связи с чем? – Я даже не заметила, как это произошло. Когда я училась в школе, мне все время хотелось быть первой ученицей. На курсе хотелось быть лидером.

- Да вы и были лидером, не так ли? Даже получили титул мисс ВГИКа!

- Тогда получалось. А когда только пришла в театр, наверное, с меня сбили спесь. Я понимала, что еще очень «сырая» актриса. К тому же после института я родила сына... Поначалу все не очень хорошо шло, но я свыклась с мыслью, что совсем необязательно быть первой, что можно просто спокойно, нормально работать в театре. Стала относиться ко всему философски.

- Может быть, если бы вы остались в Москве, все сложилось бы по-другому?

- Может быть. Возможно, все было бы по-другому... Потому что я приехала в город, где семейные ценности очень важны. Я очень хорошо вписалась в грузинские реалии, грузинскую жизнь, быт, абсолютно все приняла и очень хорошо, комфортно себя здесь чувствовала.

- А в Москве был шанс сниматься, учитывая ваши внешние данные?

- Я училась во ВГИКе в тот период, когда по типуажу была не очень востребована в советском кино. Наш заведующий кафедрой Сергей Аполлинариевич Герасимов очень любил меня и выделял на курсе, и когда Борис Андреевич приходил и объявлял оценки, он все время подчеркивал: «Артемова – «пять»! Сергей Аполлинариевич просил передать – «пять» с большим «плюсом»!... Однажды Борис Андреевич вызвал меня и передал мнение Сергея Герасимова: «Люся, тебе нужно поступать в театр!» Сергей Аполлинариевич считал, что сниматься я не буду. Борис Андреевич очень удивился: «Да ты что, с ума сошел? Ты посмотри на нее!» И Сергей Аполлинариевич сказал: «Это-то ей и помешает!» В те годы – конец 60-х – были востребованы социальные герои и героини, работницы, колхозницы. Тогда о театре я не думала, хотя сейчас считаю, что работа в театре для актера намного интереснее, чем в кино.

- И как вы восприняли мнение Герасимова?

- Очень легко и безболезненно! Сразу решила, что уеду с мужем в Тбилиси и буду работать в театре...

- Ваши пути с кино никогда в дальнейшем не пересекались?

- Не пересекались. Даже если были какие-то предложения, я не соглашалась. До сих пор мне неприятно вспо-

Дорогие читатели "Русского клуба"
поздравляю с наступающим Новым
годом! Желаю всем удачи, здоровья
и благополучия! Всере люблю!
Я. Артемьев-Иванов

минать, как я отказала Резо Чхеидзе. Он снимал фильм «Свеча, зажженная у Гроба Господня». Потом в этой очень интересной роли снялась Лидия Федосеева-Шукшина. Когда кинорежиссер позвонил мне на мобильный телефон, я была с внуками на даче. Меня никто не мог заменить, я не могла оставить детей и уехать на съемки. Да и дом не могла оставить, там у меня две кавказские овчарки. И за ними нужен был уход. Я не столько сожалею о потерянной работе, сколько о том, что мне пришлось отказать такому мастеру. Он очень удивился и даже, по-моему, обиделся.

- Кто по профессии ваш муж?

- Он кинооператор.

- Успешность карьеры актрисы зависит, как правило, от ее взаимоотношений с шефом. Или так происходит не всегда? Как говорят, нет ничего бесспорнее, чем жена режиссера.

- Да, это факт действительно бесспорный. Но бывают исключения, хотя их мало... Конечно, если есть режиссер, который заинтересован в актрисе, в ее карьере, когда он интересуется ею не только как творческой личностью, но и как женщиной, когда существует человеческий фактор, это совсем неплохо.

- В актерской судьбе большое значение имеет случай. Как вы считаете, удача вам улыбнулась?

- Я довольна своей судьбой.

ледней есть о чем сожалеть. Несмотря на то, что Вертинская сыграла немало ролей, она достойна лучшей участи в российском кино. Вертинская была недо востребоваана.

- А о себе вы не хотите этого сказать?

- Нет, я об этом даже не думаю. У меня по этому поводу нет амбиций. Более того, я считаю тщеславие нехорошим качеством человека.

- А какие цените?

- Порядочность прежде всего.

- В моноспектакле себя представляете?

- Вообще не люблю моноспектакли. Мне кажется, это не очень интересно для зрителя. На моей памяти, меня лишь один раз потрясла актриса в моножанре, правда, на экране, - это Людмила Гурченко в фильме «Интервью с Феллини». Это было потрясающе! Чтобы так держать полтора часа зрительный зал, нужно быть Гурченко.

- Сами бы не рискнули выйти один на один?

- Не рискнула бы.

- Никогда не видели себя в качестве режиссера?

- Никогда. Это другая профессия, которой я не владею.

В работе над ролью стараюсь выполнить режиссерскую задачу. Особенно если верю режиссеру. Даже если внутренне с чем-то не соглашаюсь, стараюсь все-таки выполнить то, что хочет режиссер-постановщик. Ему виднее!

- Были ориентиры, идеалы?

- Есть актрисы, перед которыми я преклоняюсь. Не стараюсь им подражать, потому что это невозможно. Но это - личности, которыми я восхищаюсь. За то, что они независимы, очень искренни, естественны, красивы, умны, необычайно талантливы. Это три совершенно разные актрисы - Нонна Мордюкова, Людмила Гурченко, Анастасия Вертинская. Пос-

- Наверное, умение слушать помогает и в партнерстве с коллегами на сцене?

- Обязательно. Актер, выходя на сцену, должен думать не столько о себе, сколько о партнере. Для меня хороший актер - тот, который видит, слышит партнера, помогает ему и тем самым - самому себе...

ИННА БЕЗИРГАНОВА

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ

Весь первый год учебы в Литинституте я писал много стихов и был уверен в том, что никогда в жизни не изменю этому занятию. Проза представлялась мне делом холодным и чужим, как хирургия. Заканчивая очередное стихотворение, я испытывал прилив счастья.

Вместе с тем, я начал понемногу переводить стихи. Несколько стихотворений Переца Маркиша в моем переводе с идиш на русский появились в печати. К этой работе меня подтолкнул замечательный переводчик Вильгельм Вениаминович Левик – первый редактор посмертных сборников моего отца. Левик считал, что я могу переводить, что у меня получится.

Но первая большая работа пришла ко мне зимой, в середине учебного года – неожиданно-негаданно. В Москву приехал по своим литературным делам грузинский поэт Алио Мирцхулава, его однотомник готовился в самом главном издательстве страны – Гослитиздате. Перевод поэмы «Урмули» пришлось Мирцхулаве не по вкусу, и он, несмотря на предельно сжатые сроки сдачи книжки в набор, решил заказать новый перевод. Кто-то посоветовал ему поручить мне эту работу – разумеется, без гарантий и без договора: а вдруг получится.

Мирцхулава позвонил мне по телефону, и я в тот же вечер отправился в гостиницу «Москва» – там в те времена оставались знатные визитеры, приезжающие в столицу.

Знаменитый грузин – плотный здоровяк с белым бобриком волос и голубыми глазами, имевшими удивленно-мечтательное выражение – угрюмо сидел за столом в своем номере. Угрюмую озбоченность поэта можно было понять: несколькими часами раньше, посредебела дня, Мирцхулава, плывя, как лайнер, по коридорам Гослитиздата, приметил

лилипута средних лет, семенящего ему навстречу. Лилипут учтиво приветствовал Алио Андреевича и собирался идти дальше по своим делам – но не тут-то было: Мирцхулава со святой детской непосредственностью принялся пошлепывать необыкновенного человечка, поглаживать его по голове и собирался шутки ради подбросить его в воздух; тот сердился и вырывался... Спустя самое малое время выяснилось, что лилипут – один из редакторов издательства, человек уважаемый и влиятельный. Мирцхулава пал духом: ждал от рассерженного коротышки мести, и ждал не без оснований – он мог осложнить работу над однотомником. Вот Алио Андреевич теперь и ломал голову над тем, какие следует предпринять шаги для исправления положения – то ли прилюдно извиниться перед потерпевшим, то ли послать ему ящик коньяка.

Рассказав эту кошмарную историю, Мирцхулава перешел к делу. Он поручал мне перевести на русский язык поэму «Урмули» – жалобную песнь аробщика, шагающего за своей арбою, запряженной парой волов, по горной дороге. Поэма была довольно-таки длинная, а времени на работу мне отводилось в обрез: два дня и две ночи. Такой срок казался явно недостаточным, но я решил рискнуть: в лепешку расшибусь, но сделаю.

Вернувшись домой с подстрочником в кармане, я взялся за дело: для начала передвинул письменный стол от окна к глухой стене, чтобы картины летящей мимо жизни не отвлекали меня и не мешали работе.

«Вот уж скоро рассвет.../ Золотистые звезды угаснут./ И аробщик придет/ В пробудившийся утренний город./ Он продаст там свой сыр/ И чего-нибудь купит на пасху./ На порожней арбе/ Возвратится в деревню он скоро».

Но все оказывается не так просто: аробщик не успеваешь допелестись до базара и продать сыр, потому что на него нападает лихой лесной разбойник. В ходе разговора на повышенных тонах выясняется, что разбойник – несчастный одинокий человек, пострадавший во время гражданской войны и пустившийся во все тяжкие. Но песня «Урмули», которую тать услышал от аробщика, пробудила в его душе теплые воспоминания о бесхитростном крестьянском прошлом – и вот теперь он прозрел и решил обязательно вернуться к честному труду на благо народа... Разбойник скрывается в лесных зарослях, а аробщик продолжает свой путь, ведущий на рынок.

«Снова плачет арба,/ Будто ива в лесу раскололась».

«Урмули» была написана в начале 20-х годов, и, по словам знающих тбилисских людей, в первом издании ясно было обозначено, от кого пострадал лихой разбойник: от большевиков. Но потом конъюнктура изменилась, и автор внес камуфлирующие идеологические поправки. Тем не менее, герой поэмы – аробщик с его сыром – никак не тянул на счастливого строителя коммунистического завтра, и это подкупало. И метафоры встречались в стихах серебряные, грузинские – та же расколовшаяся в лесу ива, или вот это: «Словно старый пастух,/ Ночь устало над миром согнулась,/ По небесным полям/ Гонит туч бесконечное стадо».

Два дня спустя, сунув в карман машинописные странички с переводом, я снова предстал перед Мирцхулавой в его гостиничном номере. Моя работа была одобрена, поправок не было.

- На будущий год, летом, - сказал Мирцхулава, выслушав мое чтение, - у нас начнется подготовка к Декаде грузинской литературы и искусства в Москве. Тебе из нашего издательства «Заря Востока», от Марка Израилевича Златкина телеграмма придет, ты приезжай переводить.

Я обрадовался своей удаче, но обещанию поверил лишь отчасти и телеграммы не ждал.

А телеграмма пришла.

О Грузии я не знал почти ничего, кроме, разве что, грибоедовской в нее влюбленности, пастернаковской строчки о Тифлисе «малиною кровель червивел» и мандельштамовской «человек бывает старым, а барашек молодым».

История аробщика с его сыром немногим обогатила мои скудные познания. Было мне известно и о существовании в Тбилиси какого-то Александровского сада, о котором было сложено неизвестным автором дивное четверостишие:

«В Александровском саду/ Музыка игралась./ Разным сортом дедушка/ Туда-сюда шлялася».

О грузинских евреях, по молодости лет, мне ничего не было известно; я о них и слыхом не слыхивал. Всякий человек, чья фамилия заканчивалась на «швили», «дзе» или «ава», представлялся мне грузином.

Шел 1957 год. В Тбилиси я летел одним из первых в истории советской гражданской авиации рейсом ТУ-104. Пассажиры озабоченно присматривались к реактивным двигателям лайнера: а где ж пропеллеры? Как без пропеллеров полетим?

Меня тянуло в Грузию – в новую среду, к серьезной и денежной работе. Правда, и в жертву было принесено немало: через несколько дней после моего отъезда в Москве открывался Всемирный фестиваль молодежи и студентов, благодаря которому, по существу, начались робкие позитивные изменения в железобетонном послесталинском строе. Впервые за много десятилетий России предстояло «в неформальной обстановке» встретиться с западным миром. Я знал, что в Москву приедут и израильяне, что они будут искать и найдут нашу семью. Не передать, как мне хотелось встретиться с «живыми израильянами!» Мне казалось, что эта встреча каким-либо образом поможет нам выбраться из СССР и уехать в Израиль. Но в Москве оставались мама и брат, и я решил ехать в Тбилиси – работать: другого такого случая могло и не представиться.

Я и раньше встречался с израильянами – с одним из них вполне легально и даже по инициативе властей. Вскоре после нашего возвращения из ссылки, вечером, после десяти, позвонил телефон. Я поднял трубку. Голос звучал почти по-прокурорски:

«Квартира Маркиш?» - «Да» - «Кто говорит?» - «Давид» - «Мать дома?» - «Нет. А с кем я?» - «Говорят из ЦК КПСС. Вам имя Микунис известно?» - «Да. Он Генеральный секретарь компартии Израйля, я в газетах читал» - «Товарищ Микунис приедет к вам через полчаса. Вызовите мать и ждите».

На этом разговор был закончен.

Звонок из ЦК мало кого мог обрадовать. Да и чего хочет коммунистический генсек, пусть даже израильский, от семьи Переца Маркиша?

Микунис пришел с цветами и роскошным «кремлевским» шоколадным набором.

- Самуил Израилевич, - представился гость. Он говорил по-русски свободно, почти без акцента.

Оказалось, что Микунис родом из того же местечка, откуда и Перец Маркиш – Полоного, что близ Житомира. Микунис был моложе отца на пять лет и помнил его подростком. Гость производил приятное впечатление, расспрашивал о нашей ссылке, рассказывал, что и его родные были репрессированы в сталинщину. Более всего мне хотелось ему сказать, что мы мечтаем уехать в Израиль как можно скорее, но я понимал, что делать этого не следует. Кто знает, может, я и ошибся.

Затем мы встречались с Микунисом неоднократно – всякий раз, когда он появлялся в Москве, - а приезжал он часто. Потом его приезды прекратились: он обвинил Хрущева в антисемитизме и порвал с Москвой. В 1972 году, через шестнадцать лет после нашей первой встречи, будущий глава израильского правительства Менахем Бегин подвел меня в Кнессете к Микунису.

- Знакомьгесь, - сказал Бегин, прекрасно владевший русским языком.

- Мы знакомы, - улыбнулся Микунис. - Рад, что вы здесь, дома.

Потом я слышал от Бегина, что Микунис хороший еврей, что он принес немало пользы Еврейскому государству – в частности, осуществлял через Румынию секретные контакты деликатного свойства с Москвой, с которой не было

Алио Мирцхулава

Синагога в Тбилиси

дипломатических отношений, и надежные линии связи не существовали.

Итак, наш ночной гость нашел в себе решимость порвать с коммунистической Москвой. Думающий человек всегда вправе передумать, и лучше поздно, чем никогда. Разумеется, твердокаменные коммунисты немедля заклеямили Микуниса как ренегата, - но, как мне кажется, Самуила Израилевича эти завывания не тревожили. Его путь в определенной степени напоминает путь другого израильского левого - Моше Снэ, чьим именем называют сегодня улицы израильских городов. Или Барзилая, написавшего замечательную разоблачительную книгу о своих бывших соратниках-коммунистах.

Но вернемся в беспропеллерный самолет ТУ-104, выполняющий рейс по маршруту Москва-Тбилиси. Не прошло и трех часов полета, как мы благополучно и с большим облегчением приземлились на аэродроме грузинской столицы.

Грузия, эта благословенная страна Золотого руна, стала настоящим раем для людей русской культуры. Надо сказать, что и грузины - во всяком случае, грузинская интеллигенция - доброжелательно и охотно впитывала соки русской культурной традиции. Грузия была наиболее приближена к русскому культурному стволу, она с чутким любопытством оглядывалась на Петербург и Москву, как Москва и Петербург оглядывались на Париж, Рим, Берлин. Авангардистское литературное движение «Голубые роги» было откликом на русский поэтический эксперимент Серебряного века. Грузия была и осталась зеленой страной поэзии и поэтов.

Тбилиси был похож на Москву, как глиссер на воздушной подушке на броненосец. Легкий и прозрачный город, подобно стройной красавице, как бы разглядывал себя с любовью в зеркале неба - свои площади, скверы и улицы, и расслаблялся на берегу мощно бегущей реки. «Поэт в России больше, чем поэт», - это Евтушенко точно сказал, а

в Грузии поэты были еще больше, чем в России. Руставели своей славой заслонял славу древних царей, а имена поэтов, сгинувших в сталинские времена, сверкали как звезды. Изумительно красивые песни, грустные и грозные, доносились из храмов и харчевен и стояли над грузинской землей, как розовое облако.

Я рвался поскорей увидеть стихи, которые мне предстояло переводить, и засесть за работу. Мои новые грузинские друзья-писатели опекали меня, девятнадцатилетнего, и никуда не спешили. Как-то само собою получилось, что назавтра после прилета мы отправились не на проспект Руставели, в издательство «Заря Востока» к загадочному Марку Израилевичу Златкину, а на зеленую улицу Леселидзе, в синагогу. Как видно, мои опекуны и провожатые были тактично уверены в том, что еврей, впервые попавший в Тбилиси, должен начать знакомство с городом именно с синагоги.

Синагога была большая, ухоженная. Евреи, похожие на грузин, толпились и вели разговоры во дворе и в самом просторном прохладном здании. Мне объяснили, что улица Леселидзе и прилегающие кварталы - еврейский район, что евреи - уважаемые друзья грузин и что они всегда, плечом к плечу с грузинами, бились с врагами. Это последнее обстоятельство подчеркивалось особо, хотя из разъяснений ста-

Метехский храм

новилось ясно, что грузинские евреи, несмотря ни на что, остаются сами собою и занимают особую нишу в обществе, - иными словами, не поддаются ассимиляции. Это было приятно слышать, и я с уважительным любопытством присматривался к моим грузинским соплеменникам, которые, по словам провожатых, жили здесь «всегда». Как интересно: «всегда!» Не какие-то жалкие двести лет вместе или врозь, а - всегда, и грузинский народ не споили, и грузинских детей не резали на мацу; жили мирно.

ДАВИД МАРКИШ

(Окончание следует)

Гия Канчели и Котэ Малания

«ТЕАТР - ЭТО СОСТОЯНИЕ»

Музыкальный спектакль - «Емелино счастье» - удался. И главный ключ к успеху - музыка. Она завораживает и делает представление динамичным. А всем зрителям, от мала до велика, дает возможность окунуться в мир русской сказки.

«Емелино счастье» - первый «самостоятельный» спектакль музыкального руководителя Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С.Грибоедова Котэ Малания. Сам он признается, что ему, человеку с грузинскими корнями, трудно было писать такую «русскую» музыку. «Руководство театра долго решало, поручать ли мне это дело. Я написал несколько пилотных вариантов музыки, после чего мне разрешили делать спектакль, - рассказывает он, - на премьере очень волновался. Но когда увидел широкие улыбки на лицах актеров, понял, что это моя маленькая победа».

Талантливый человек талантлив во всем. Котэ Малания - человек сверхзанятой. Работа в театре, которую он считает главным занятием в своей жизни, поездки в Москву, где он и его супруга Ирма занимаются с мальчишеской группой «Сэфас бичеби», работа на телеканале «Имеди», множество самых разных встреч, записей и кон-

тактов - неполный список его повседневных творческих занятий.

Для справки: родился в Кутаиси в 1967 году, выпускник Тбилисской консерватории по классу фортепиано. В Кутаиси руководил эстрадной школой. Среди ее воспитанников - солисты группы «Сейшен», участники проекта «Нуцас скола» С.Бакурадзе и Е.Гоголашвили. Работал в Кутаисском академическом драматическом театре им. Л.Месхишвили, где написал три мюзикла - «Чинчрака», «Любовь, джаз и дьявол» и авангардную версию чеховских «Трех сестер».

В Грибоедовском начал работать пять лет назад по приглашению художественного руководителя Автандила Варсимашвили. Уже третий год К.Малания - музыкальный руководитель театра. «Для меня это большая честь и хорошая школа», - признается композитор. За это время он принял участие во многих проектах театра и Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Среди аранжированных им спектаклей: «Горбун», «Жизнь прекрасна» по новеллам А.Чехова, «Превращения в Лукоморье», «Чиполлино», музыку к которым написал Т.Джаиани, и «Ханума». Сейчас помогал в создании музыки к «Мастеру и Маргарите». Среди оформленных им проектов на базе театральной студии - аудиокнига на стихи Н.Гомелаури

На первом форуме молодых патриотов

на грузинском языке (в проекте – создание оригинальной версии на русские стихотворения поэта). Творческий вечер Н.Гомелаури по случаю выхода в свет сборника его русских стихов и презентации грузинского перевода ставшей хитом песни «Мой Петербург» И.Корнелюка. Посвященный 60-летию Великой Победы проект «Живи и помни», вечера памяти Булата Окуджава и Бориса Пастернака. Признанный мэтр Гия Канчели, будучи на одной из репетиций, дал высокую оценку его музыке.

После окончания ремонта у театра появится собственная записывающая студия. Благодаря новейшей аппаратуре, студия станет одной из самых современных в Грузии и будет конкурентоспособной для привлечения не только отечественных, но и российских, и зарубежных исполнителей. «Мы будем записывать и выпускать диски, соло-альбомы как известных артистов, так и молодых исполнителей. Не только тех, кто заинтересовался драматическим искусством, но и вокальным, и эстрадным, - делится планами К.Малания, - студия будет при театре, для чего уже выделена большая площадь. Там разместится не только студия для записи, но и репетиционный зал, и отдельная комната для офисных работ. Вся продукция студии как аудио, так и видео, ориентирована на продажу за рубежом, что тоже очень важно. В ходе ремонта полностью обновится и усовершенствуется сценическое оборудование. Все музыкальное сопровождение будет

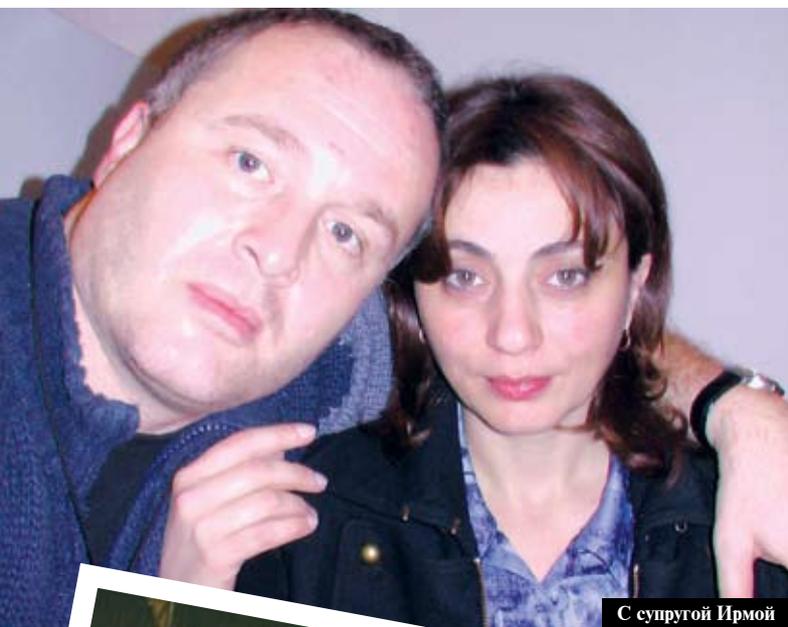
исполняться вживую. Так что мое присутствие будет необходимо как на спектаклях в самом театре, так и на гастролях. Кроме работы в театре, пишу и для группы «Сэфас бичеби». Которые, кстати, сделали несколько записей для театра. В том числе вечер Б.Окуджава, «Живи и помни», хоровую запись для «Ханумы». Ими, в основном, занимается моя супруга, Ирма Малания. Она хормейстер по образованию, поэтому мы органично друг друга дополняем.

К внеатражной деятельности Котэ Малания относится его работа на телеканале «Имеди», где он музыкальный руководитель и композитор кукольного шоу «Истории нашего двора», который снимается в рамках проекта «Спасите детей». Об этом рассказывает Ирма, руководитель одноименного ток-шоу: «Котэ попал в этот проект совершенно случайно. Мы узнали, что на «Имеди» проходит конкурс, отправили туда свой диск. И забыли. Было очень много претендентов. Но месяца через два нам позвонили и сказали, что музыку Котэ приняли. Оказалось, что три прошедшие в финал композиции – грузинскую, армянскую и азербайджанскую (проект региональный), отправили на прослушивание в Америку, в центральный офис, где и выбрали музыку, написанную моим супругом. Кроме того, проект, работа которого направлена на развитие толерантности, сотрудничества и взаимопомощи на Южном Кавказе, стал настолько популярен, что

принято решение снять еще один цикл серий. Съемки проходят в Грузии, и мы активно участвуем в этом проекте».

Котэ Малания не просто композитор, а композитор государственного масштаба. Он занимался музыкальным оформлением церемонии инаугурации президента Михаила Саакашвили 25 января 2004 года. Ее транслировали ведущие телеканалы мира. Ему, в частности, принадлежит современная версия «Мумли мухаса», музыка к официальной части. Художественным руководителем церемонии инаугурации стал Автандил Варсимашвили. Он же пригласил К.Малания к сотрудничеству в годовщину «революции роз», 23 ноября 2004 года.

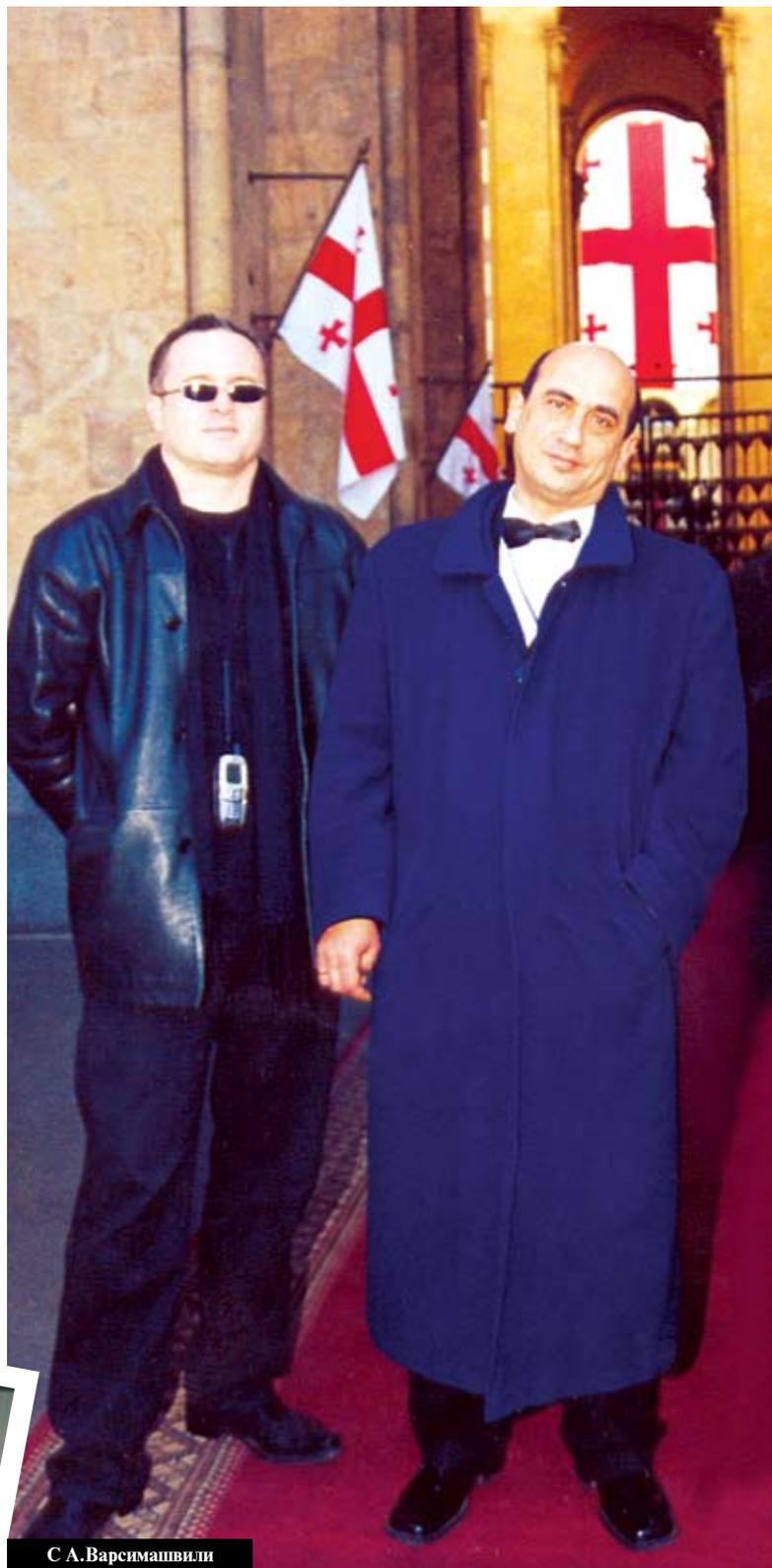
27 ноября у композитора день рождения. «40 лет, - говорит он - для творческого человека возраст, когда накопленный опыт воплощается в идеи, в творчество. Теперь я знаю - главное для меня театр. Работа в нем очень важна. Несмотря на то, что у меня эстрадные корни, вся моя музыка разложена на театральной основе, характерах. Театр дает огромную возможность самореализации. Я уже не могу представить себя в какой-нибудь другой сфере ис-

С супругой Ирмой

Юлия Савичева на презентации клипа группы «Сэфа»

С А.Варсимашвили

кусства. Эти образы, сцена - для меня вся жизнь. Театр - для души. Когда нужно выбирать между театром и шоу-бизнесом, я не раздумывая выбираю театр. Здесь очень дружный коллектив, я их всех - от вахтера до художника, очень люблю. Я чувствую, что это моя семья. Конечно, у меня есть своя семья - супруга и двое детей. Но это совершенно другое. Театр - это состояние. Поэтому, все что я делаю, - делаю с большой душой».

НИНО ЦИТЛАНДЗЕ

ЖЕМЧУЖИНА КЛАССИЧЕСКОГО БАЛЕТА

«Это было событием в культурной жизни Грузии – возрождение балета «Щелкунчик» на родине Симона Вирсаладзе».

Джансуг Кахидзе

Первую постановку балета «Щелкунчик» осуществил хореограф Лев Иванов по сценарию Мариуса Петица на сцене Мариинского театра в 1892 году. Балет был признан пластическим шедевром. По изяществу и совершенству танцевального штриха он мог соперничать разве что с пушкинским стихом. С тех пор ни один Рождественский праздник не обходится без постановки «Щелкунчика».

«Здесь от партитуры Чайковского исходят волшебные флюиды. Здесь музыка любит хореографию. Хореография обожает музыку. Да и дух Гофмана летает над нами», – пишет дирижер Геннадий Рождественский.

В Тбилиси «Щелкунчик» был возрожден в 1999 году. Это был безвозмездный дар Юрия Григоровича памяти прославленного театрального художника-декоратора Симона Вирсаладзе (декорации восстановлены художником Юрием Гегешидзе).

Из воспоминаний Юрия Григоровича: «...Судьба была ко мне благосклонной, подарив в первой же самостоятельной работе творческую встречу с Симоном Багратовичем. Было это в 1956 году в Ленинграде, когда Кировский театр получил партитуру балета С. Прокофьева «Каменный цветок». Сначала предполагался другой постановщик, но потом волей обстоятельств спектакль доверили мне. И Симон Багратович, в ту пору главный художник театра, не побоялся рискнуть, начать работу с артистом балета, имевшим до того лишь одну постановку на сцене Дворца культуры. Было лестно ощутить его доверие, чувствовать его поддержку. Мог ли я думать, что это сотрудничество продолжится и я в дальнейшем буду работать с этим выдающимся мастером сцены...»

Симон Вирсаладзе оформлял все балеты Юрия Григоровича, включая знаменитый хачатуряновский «Спартак». Их совместным работам аплодировали во Франции, Англии, Италии, Швеции. Их творческий союз принес им заслуженный успех, признание, мировую известность.

Из режиссерских записей Ю. Григоровича: «В работе Симон Багратович был до щепетильности требователен. Но работать с ним любили... Сдать эскизы и на этом считать свою работу исчерпанной, это не для Вирсаладзе. Помню его в Париже, в Гранд-опера, с ножницами в руках, когда он на ходу поправлял кос-

Юрий Григорович

Эскиз декорации С. Вирсаладзе

Симон Вирсаладзе

тумы и подкрашивая, добавлял нужные оттенки. Каждый костюм – образ, характер...»

И здесь нельзя не вспомнить слова искусствоведа Любови Менделеевой-Блок о том, что С. Вирсаладзе необыкновенно чувствовал танец, он умел «одеть» танец. Порой казалось, что это костюмы танцуют, не будь их, утратилась бы какая-то существенная часть танца.

«Симфоническая танцевальная полифония – основа хореографии. Ю. Григорович находит яркое воплощение в живописном симфонизме С. Вирсаладзе», – отмечают балетные критики.

В эти дни мне довелось несколько раз побывать в

Дружба началась еще в детстве. Вместе учились в балетной школе Марии Перини с Вахтангом Чабукиани, Ириной и Додо Алексидзе, Марией Бауэр. Потом это было целое созвездие в искусстве. «Щелкунчик – это подлинный Григорович».

В Рождественскую ночь елка в «Щелкунчике» олицетворяет вселенную, вырастая в сказочное древо желаний. Григорович стремится к постижению поэтической природы танца. Тонко чувствует его образную символику. Балетмейстер не иллюстрирует сцены, а метафорично обобщает их. Он не пользуется средствами пантомимы. Ее элемен-

мемориальной квартире С. Вирсаладзе, встретиться с его племянницей Мананой Хидашели, человеком редкого обаяния и трагической судьбы.

Я знала, что ее сын погиб в Абхазии и похоронен рядом с Симон Багратовичем в Дидубийском пантеоне. «Последние десять лет Симон Багратович жил в Тбилиси, – рассказывает Манана Хидашели, – и Юрий Николаевич со своей супругой, замечательной прима-балериной Большого театра Натальей Бесмертной приезжали к нему. Они оставались друзьями. Незадолго до смерти Симон Багратович сказал мне: «Я считаю Юру членом своей семьи и люблю, как сына».

Свои кратковременные встречи и беседы с Юрием Григоровичем я помню в деталях.

Художник-лирик, симфонист, наделенный колоссальной творческой интуицией. Его называют композитором танца. Он внес в свои балеты интеллектуальную проблематику. Поражала его хореографическая эрудиция, работоспособность.

– Вы оптимист, Юрий Николаевич? – спрашиваю.

– Нет, в моем возрасте уже нельзя быть оптимистом.

– Что вы больше всего цените в людях?

– Верность.

– А в чем, по-вашему, смысл жизни?

– В самой жизни.

Помню, к нашей беседе подключилась народная артистка СССР Нино Рамишвили. Несмотря на возраст, она пришла на премьеру, разделить со всеми эти волнующие минуты.

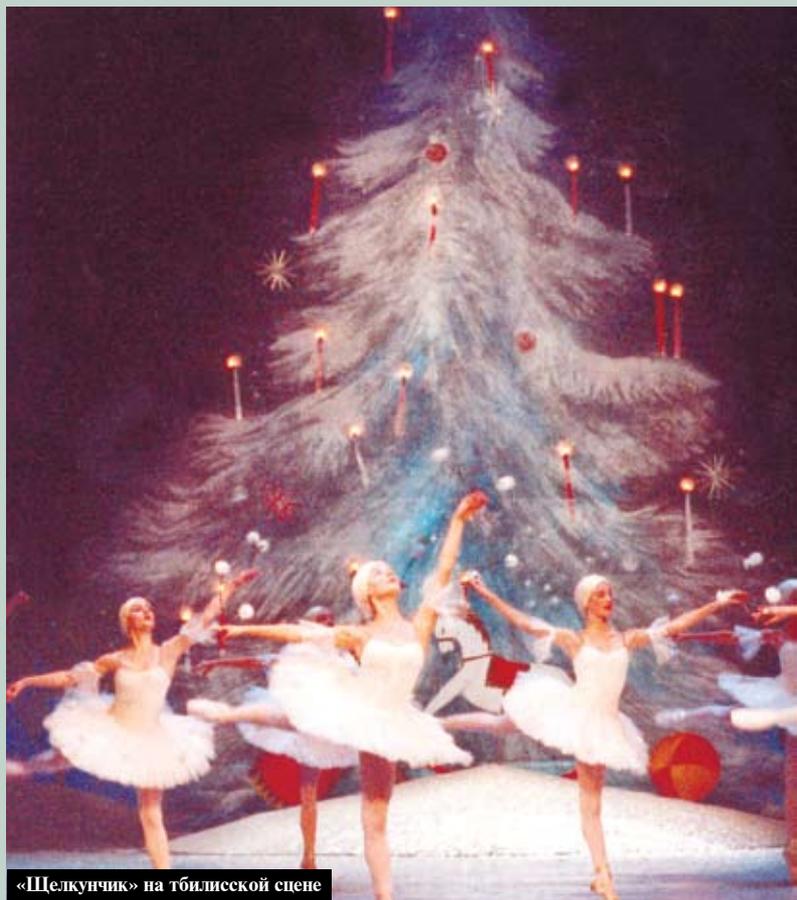
«Ведь нас объединяли долгие годы совместной работы с Солико.

ты включены в танец. Все предельно танцевально. На сцене зримая музыка. Сон Мари - это торжество над превратностями судьбы. Кукольный мир приобретает иносказательное значение. Здесь и фантастика, и волшебное наваждение. А все вместе - философский спектакль, сказка, симфония о детстве.

Мы вновь хотим видеть в этом спектакле трепетную Нину Ананишвили. Ее танец отличался чистотой юности. И весь ее поэтический облик был неотразим. На волнах лирического вдохновения словно парил на сцене премьер Большого театра, принц-Щелкунчик Ника Цискаридзе.

Нина Ананишвили (Мари) и Давид Хозашвили (Принц-Щелкунчик)

«Щелкунчик» на тбилисской сцене

Небольшой экскурс в прошлое. Первым исполнителем куклы Щелкунчик на сцене театра оперы и балета им. З. Палиашвили был актер, режиссер, легендарный спортивный комментатор Котэ Махарадзе, в те далекие годы - воспитанник хореографической студии. Это был 1936 год (постановщик В. Ивашкин). Балет Чайковского обошел лучшие сценические площадки мира. К нему обращались такие выдающиеся балетмейстеры как Вахтанг Чабукиани, Джордж Баланчин, Морис Бежар, Ролан Пети.

Балетная и музыкальная партитура «Щелкунчика» привлекает и балетмейстеров новой волны. Уже несколько сезонов балет «Щелкунчик» в постановке Юрия Григоровича, посвященный памяти Симона Вирсаладзе, украшает репертуар Национального театра оперы и балета им. З. Палиашвили. И как всегда, в зрительном зале восторженный прием: информационный код сказки не оставляет нас. Он необходим для души, для ее возвышения.

Со времени первой постановки балета «Щелкунчик» прошло 115 лет. Но и сегодня жемчужина классического балета завораживает нас своей поэтичностью, красотой, приобщая к миру волшебных грез и нравственной чистоты.

НЕЛЛИ УЗНАДЗЕ

Редакция журнала «Русский клуб» поздравляет выдающегося деятеля русской хореографии Юрия Николаевича Григоровича с его 80-летним юбилеем.

«ЗАБЫТЬ ЕГО НЕМЫСЛИМО...»

Тигран Тарумов

Поздний час. Мягкий свет настольной лампы падает на пожелтевшие страницы лежащих передо мной журналов. На обложке надпись «Искусство», а под ней пояснение: «Журнал, посвященный всем отраслям искусства и быту театра».

Я раскрываю первый номер.

С чем же обращается к своим читателям редакция журнала 22 февраля 1919 года, в тяжелый и переломный для нашей страны период?

В этой первой статье, вспоминая слова героя пьесы Герхарта Гауптмана об искусстве, освещающем мир, основатели журнала подчеркивают, что Тифлис непременно должен иметь свой орган, посвященный искусству, ибо в этом городе театры, концертные залы, консерватория, студии, художественные и литературные салоны создают атмосферу подлинного искусства. Вот так в 1919 году начал свою жизнь журнал, редактируемый Яковом Львовым и Тиграном Тарумовым.

Интересен и широк диапазон журнала в течение всего времени его существования: призыв к расцвету национального искусства, заметки о будущем театра, рецензии на концерты и оперные постановки, спектакли МХАТа, гастролировавшего в Тбилиси в 1920 году, и много других увлекательных материалов.

И вот теперь настало время рассказать о редакторе журнала Тигране Аветовиче Тарумове, о человеке, который много лет самоотверженно и беззаветно служил искусству. И я с глубоким душевным трепетом и сердечной болью начинаю это повествование.

Тарумов был братом моей матери, заслуженной учительницы Анны Аветовны Тарумовой-Малхаз.

Родился Тигран Аветович в 1898 году в семье учителя. После окончания гимназии был отправлен в Москву в Лазаревский институт восточных языков. Занятия в этом институте не увлекали его. Через некоторое время он оставил институт и вернулся в Тбилиси. Его манил многообразный и яркий мир искусства. Уже в 20-е годы он начинает руководить грузинской филармонией. Хорошо пишет о его деятельности выдающийся грузинский певец Бату КраВЕИШВИЛИ в своей книге «Незабываемое»: «Там, где теперь помещаются кассы театра им. Руставели, в дни моей молодости была расположена штаб-квартира руководителя грузинской филармонии, блестящего организатора, одаренного и образованного человека Тиграна Тарумова. Он пользовался большим авторитетом не только у нас, но и в России. В 20-30-е годы, благодаря неумолимо-му в работе, ищущему что-то новое Тарумову, в Тбилиси побывал целый ряд артистов самых разных жанров...»

Далее КраВЕИШВИЛИ тепло и сердечно рассказывает о том, как Тарумов дал ему, студенту консерватории, путевку в жизнь, приобрел к концертной деятельности. И сколько было их, таких молодых артистов, которые начинали свой путь в большое искусство с легкой руки Тарумова, моментально замечавшего искру божью в тех, кто был ею отмечен. С воспоминаниями Б. КраВЕИШВИЛИ перекликаются строки из книги «В своем репертуаре», авторами которой являются замечательные мастера эстрады Мария Миронова и Александр Менакер: «В Грузию любили приезжать и потому, что эстрадой там руководил удивительный человек, замечательный организатор, Т.А. Тарумов. К нему все ехали с удовольствием и никто не ставил никаких условий. Знали, что Тигран актера никогда не обидит. Актеру, хорошо себя зарекомендовавшему, достаточно было послать телеграмму: «Хочу приехать в Тифлис в марте». Тигран тут же отвечал: «Приезжай!»...»

Тигран Аветович не только создавал для гастролеров все условия, но любой нуждающийся актер всегда находил у него основательную материальную поддержку.

Я вспоминаю квартиру в доме №8 по улице Пурцеладзе, где жил Тигран Аветович со своей матерью и женой, Е.В. Айрумовой, пианисткой, концертмейстером оперного театра. Стены были сплошь увешаны портретами выдающихся актеров, музыкантов, художников, литераторов. Теплые автографы этих людей говорили об искренней любви и глубоким уважении к хозяину дома. В этой уютной квартире бывали Валерия Барсова, Василий Немирович-Данченко, Григорий Гинзбург, Лев Оборин, Александр Цфасман, Эмиль Кио, Александр Мелик-Пашаев, Тамара Церетели и многие другие. Частыми гостями были Сандро Ахметели, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили – люди, с которыми он дружил и в дальнейшем разделил их трагическую судьбу.

В начале 30-х годов филармония перешла на проспект Плеханова, 125.

Сколько сил вложил Тарумов в устройство летнего зала в парке Гофилекта, который много лет был одним из любимых мест отдыха тбилисцев.

Настал период увлечения джазом. По приглашению Тарумова приезжали разные джаз-оркестры, а именно - под управлением Стефана Вайнтрауба, Бориса Ренского, Эдди Рознера.

С огромным успехом проходили и концерты знаменитый в то время негритянской певицы Целестины Коол.

Увы, кипучая деятельность Т.А. Тарумова трагически оборвалась в октябре страшного 1937 года. В дальнейшем как и другие жертвы произвола Берия, он был реабилитирован.

Однако с гордостью могу сказать, что в эти ужасные годы, когда многие боялись общаться с родными репрессированных, перед моей матерью и мной широко распахивались

двери домов деятелей искусства в Москве, Ленинграде и других городах. У людей светлели лица при имени Тиграна Тарумова. А в 1990 году в статье, напечатанной в «Советской культуре», отмечалось, что талантливые артисты у нас есть, но мало тех, кто заботился бы о них, чтобы они «не увяли преждевременно, не тускнели... И как тут не вспомнить таких театральных деятелей, как Александр Данкман, Тигран Тарумов, Игорь Нежный. Или Бруно Какатрик во Франции, Сол Юрок в Америке. Они понимали, что талант - вещь хрупкая, что его надо беречь...»

Тигран Аветович погиб, но эстафета была подхвачена и попала в надежные руки. Племянник его, Завен Тарумов, в те годы совсем молодой человек, многому научился у своего дяди. Тогда его не тронули. Избежал репрессии также мой отец, известный адвокат, юрисконсульт Совнаркома, блестящий оратор, человек, друживший в молодости с Валерием Брюсовым и особенно с Константином Бальмонтом. Он умер от операции за год до пика этой вакханалии.

Но продолжу рассказ о Завене Тарумове, моем любимом двоюродном брате. Хотя он был старше меня на 10 лет, но мы очень дружили. И у нас не было секретов друг от друга. Он рано потерял мать и самыми дорогими людьми для него были бабушка и тетя Аня, моя мама.

В начале 40-х годов, работая в филармонии, он возил в Иран лучшие наши оркестры, потом он был директором Армянской, затем Закарпатской и Одесской филармоний. А в дальнейшем стал директором знаменитого хореографического ансамбля «Березка», с которым объездил весь мир и, как отмечалось в некрологе, напечатанном после его смерти в «Советской культуре», помог ей «стать

гордостью советского искусства», «ансамблем, слава о котором шагнула далеко за пределы нашей Родины». Более 30 лет своей жизни он отдал руководящей работе в области искусства. Был награжден орденами Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, был также удостоен почетных грамот Президиумов Верховных Советов ряда союзных республик.

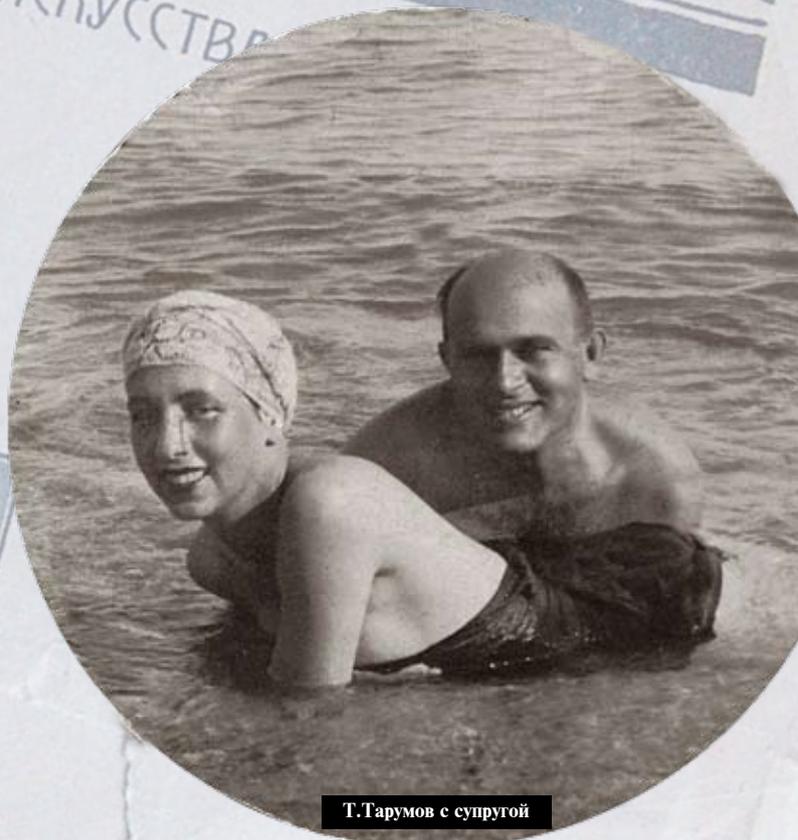
Наступил 1968 год. Его очень обрадовало известие о том, что мне присвоили звание заслуженного учителя. Это было в январе, а 7 марта он скорострительно скончался. Смерть его, внезапная и неожиданная, стала для меня величайшим горем. С тех пор 8 марта для меня «праздник со слезами на глазах».

Не могу умолчать и о том, что он был человеком чутким, добрым и щедрым, как Тигран Аветович. Помогал, как и он, материально бедным и старым актерам, дарил им свои новые, ни разу не одетые костюмы. Был необыкновенно любящим отцом. Старшая дочь его имеет прекрасную семью. Она очень внимательна ко мне: звонит из Москвы, старается помочь, чем может. Младшая дочь, к сожалению, умерла.

А сейчас я снова вернусь к воспоминаниям о Тигране Аветовиче... Прошло много лет после его гибели. Ушли из жизни его близкие соратники Васо Урушадзе, Самуил Полянов. Нет больше горячо любимых - Верико Анджа-

Завен Тарумов

Т.Тарумов с супругой

паридзе, Пьера Кобахидзе, Васо Годзиашвили и других. И я заканчиваю свои воспоминания словами, которые услышала в свое время от двух замечательных людей - Вактанга Чабукиани и Илико Сухишвили. Когда я спросила, помнят ли они Тиграна Аветовича, то получила такой ответ: «Тарумов так много сделал для грузинской культуры, что забыть его немислимо и недопустимо».

НИИРА МАЛХАЗ

ДОГОНЯЮЩИЙ СЕБЯ

ИСПОЛНИЛОСЬ 70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ТАЛЯ (1936-1992)

Смерть Михаила Таля болью отозвалась в сердцах миллионов. Сейчас, когда десятки горячих точек планеты полыхают ненасытным огнем, смерть перешла в область статистики. Дикторы последних новостей сообщают о десятках и сотнях потерь в терактах и военных конфликтах, и, похоже, к этому начали привыкать. На кровавом фоне сегодняшних вакханалий потеря Таля для шахматного мира не перестала быть трагедией, для людей, знакомых с партиями рижского волшебника и состоянием его здоровья.

В давней анкете Иван Сергеевич Тургенев на вопрос, как он понимает счастье, ответил просто и мудро:

«Счастье – это крепкое здоровье». В этом плане знаменитый романист, двухметровый богатырь с синими глазами, выгодно отличался от Таля, который всю свою сознательную жизнь сражался с неприятельским воинством на шахматной доске и собственными недугами. Кто-то тонко подметил: «В здоровом Тале – здоровый дух». Кривая результатов выдающегося гроссмейстера позволяла судить о состоянии его здоровья, а точнее, лояльности почек. И самое удивительное: считалось, что счастье – его стиль. Обжегшись на Тале, неудачники прозвали его Счастливым Счастливищем Счастливым. Сам он лучше других поставил себе диагноз: «Когда любой из нас впервые играет в шахматы, он уподобляется человеку, который уже принял порцию микробов, скажем, какого-нибудь импорт-

ного, гонконгского гриппа. Идет такой человек по улице и еще не знает, что болен – вроде здоров, прекрасно себя чувствует, но микробы делают свое дело. Нечто подобное происходит в шахматах... Идут дни, и вдруг исподволь начинаешь чувствовать, что тебе без шахмат чего-то недостает. Можешь радоваться: ты оказался в числе людей, у которых нет врожденного иммунитета к шахматной лихорадке».

Итак, главная болезнь известна – шахматная лихорадка. Большой друг шахматистов и прежде всего Таля, драматург Леонид Зорин, говоря о самых привлекательных чертах шахмат, отмечал первым делом борьбу характеров. Под внешней тишиной шахматной встречи таится подлинный драматизм, бушует напряженная схватка двух интеллектов, двух волевых натур,

ировалась другими чемпионами, в зависимости от их шахматных вкусов и темперамента, но суть ее оставалась неизменной. Похоже, Таль не очень задумывался над невеселым признанием человека, которому было суждено занять особое место в его творческой судьбе.

Болельщики со стажем расскажут, как летом 1948 года 12-летний Миша Таль пошел на квартиру Ботвинника сразиться с ним в шахматы. Легенда эта известная, и Таль добродушно посмеивался, читая газеты, и не пытался ее опровергать. Ботвинник, став чемпионом мира, действительно отдыхал на Рижском взморье, и Таль захотел сыграть с ним, но родные отговорили. А позже журналисты, прослушав об этом, вложили ему под мышку шахматную доску и отправили к Михаилу Моисеевичу, попутно введя в действие для интриги женщину (супруга гроссмейстера, Гаянэ Ананова?), которая, если верить легенде, преградила мальчику путь к чемпиону. Через одиннадцать-двенадцать лет, растолкав всех, он все же пробился на аудиенцию к Михаилу-старшему, и эти встречи доставили ему величайшую радость и разочарование.

Вспоминается Таль более раннего периода, в мастерском звании, но льва уже узнавали по когтю. Тбилиси, ноябрь 1956 года, полуфинал XXIV чемпионата СССР на сцене театра имени Руставели. Несколькими месяцами раньше в своем первом финале Таль разделил пятое место и в Грузию приехал в качестве фаворита, готового добиться большего, прежде всего в творческом плане. И едва не стал виновником сенсации. После 12 туров он имел всего одну победу и девять ничьих, шансы на выход в финал сохранял его тренер Александр Кобленц. За семь туров до финиша «лев проснулся» и вместе с Бухути Гургенидзе сумел зацепиться за «выходящие» 5-6 места. А ведь прояви кто-то из участников большую неуступчивость, не добери Таль пол-очка, как знать, возможно, его вхождение в верхние слои шахматной атмосферы не было бы столь стремительным и феерическим. В финале чемпионата страны из восьми партий с гроссмейстерами (четверо из них являлись претендентами на мировое первенство) Таль выиграл пять, еще две завершил вничью и только одну проиграл – Исааку Болеславскому. В последнем туре жертвой Таля пал один из лидеров, признанный мастер атаки Александр Толуш.

Золотая медаль Михаила Таля побудила отечественную федерацию шахмат ходатайствовать перед ФИДЕ о присвоении ему звания международного гроссмейстера. В порядке исключения, поскольку он был лишь национальным мастером. Таль доверие оправдал сполна, став чемпионом страны второй год подряд. В последнем туре рижского финала Борис Спасский, имея с ним выигрышный эндшпиль и ночь для анализа отложенной позиции, проиграл эту, едва ли не самую драматичную партию за всю свою карьеру, выключив

Матч М. Ботвинник – М. Таль. Москва. 1960 г.

и то душевное напряжение, которое многим выпадает, быть может, в особые «звездные» часы биографии, для них является нормой бытия. Так писатель объясняет высочайший вольтаж шахматного поединка, к которому добровольно приговаривают себя служители богини Каиссы, не желающие замечать, что отныне их жизнь уподобляется шагреновой коже, которую можно читать, как книгу. Вспомним, что матч на первенство мира отнимает несколько лет жизни. Эта мысль, впервые высказанная Михаилом Ботвинником, позже варь-

себя из борьбы в претендентском цикле и дав повод говорить об очередном везении Талья.

Сам счастливец не скрывал, что считает делом чести каждого мужчины-шахматиста заслужить улыбку фортуны. Таль взял себе в союзники стиль искрометный и головоломно смелый, молниеносный расчет вариантов, когда получаемое для атаки время дороже пожертвованных фигур. Это подлинное новаторство, артистизм, возвращение к романтизму, когда риск возводился в принцип игры, могли нравиться, могли и нет, но уважения, безусловно, заслуживали. Мало кто до Талья и после него (за исключением, возможно, Роберта Фишера) вызывал столько ожесточенных споров и восторгов.

У поэта Давида Кугультинова есть поэма «Шахматист», посвященная Талю. В ней, в частности, рассказывается, как пришел к Талю друг детства, бывший шахматист, известный психиатр, и попросил гроссмейстера помочь ему в излечении одного больного, возмнившего себя сверхчемпионом по шахматам. «Но почему ты сам его не обыграешь?» - удивился Таль. «Увы, - смутился врач. - Я играл с ним, но всякий раз проигрывал». Заинтригованный Таль приходит в лечебницу, играет с сумасшедшим и проигрывает. Помня данное другу обещание и желая помочь больному, а главное, из понятного спортивного чувства он продолжал с ним играть, пока наконец с большим трудом не выиграл, что привело к исцелению больного, который выписался из лечебницы и через некоторое время сел играть против Талья в сеансе одновременной игры. Гроссмейстер узнал его и приготовился к тяжелой борьбе, но, к его удивлению, партнер на этот раз не оказал никакого сопротивления.

Удивительная история, не правда ли? Еще удивительнее то, что на самом деле Михаил ее попросту сочинил. И поэт ему поверил - уж очень она самобытна. Выдумать такое мог только незаурядный человек. Кугультинов поэтому не обиделся на Талья за эту мистификацию. Вымысел, если он остроумен, не противопоказан поэту.

Доказав жизнеспособность своего «некорректного» стиля на турнире претендентов в Югославии в 1959 году, опередив шахматных колоссов Василия Смылова, Пауля Кереса, Тиграна Петросяна, Михаил Таль с первой попытки взял штурмом крепость Ботвинника и в двадцать три года с небольшим стал восьмым чемпионом мира по шахматам.

Как свежо и смело он играл!

Помню огромное скопление людей по вечерам на проспекте Руставели, перед большой доской на фасаде старого шахматного клуба, куда по телефону передавались ходы из московского Театра эстрады, и едва ли не каждый из них встречался аплодисментами. В Грузии Талья любили, как в Латвии, горячо и беззаветно, разве что юная Нона Гаприндашвили могла похвалиться более многочисленной армией своих почитателей. И Таль отвечал взаимностью на эту любовь, в числе его крупных успехов первые призы на турнирах в Тбилиси, Сухуми, Гори.

Но случилось непредвиденное: через год Таль был

Три чемпиона мира в одном кадре!

наголову разбит в матч-реванше Ботвинником. Считалось, не выдержал испытание медными трубами. Сам гроссмейстер уверял, что ко второму матчу готовился ничуть не хуже и не меньше, и в пику журналистам нашел две причины поражения. В манере, напомнившей, что темой его дипломной работы на филфаке Рижского университета была «Сатира в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Первую причину он видел в том, что во время матча 1960 года Ботвинник жил по соседству в гостинице «Москва». Перед партиями Кобленц услаждал слух своего подопечного исполнением неаполитанских песен. Таль это вдохновляло, а Ботвинника, по всей вероятности, размагничивало. Вторая причина: к восьмой партии матч-реванша Талю удалось подобрать «счастливый» карандаш, позже забытый им на столике, достойной замены не нашлось. Ну, а если говорить серьезно, то виноват один Ботвинник. Многие годы он работал над созданием искусственного интеллекта и сумел запрограммировать себя на игру с Талем - держал его в партере, не позволяя получать любимые талевские позиции, в которых рижанин всласть импровизировал и комбинировал. Стоит ли удивляться, что чувство неотвратимости, испытанное Давидом Бронштейном и Смысловым в предыдущих матчах с патриархом шахмат, посетило Талья в самое неподходящее время. И хотя он отмечал, что утрата короны не вызвала кризиса в творчестве, о чем

ему напоминали в неделикатной форме, досада не раз покусывала сердце, как тот лисенок, спрятанный на груди юного спартамца.

Таль и без короны, как старый Лир, оставался королем с головы до ног. Он не отчаялся, не ожесточился, не сошел с ума, напротив, убедился в необходимости переучиваться. С годами его игра стала более позиционной и универсальной, обогатилась новыми дебютными идеями и техническим мастерством, но незаметно утрачивалось лица необщее выражение, принесшее ему славу одного из самых ярких и оригинальных шахматистов современности. Таль привычно выигрывал крупные турниры, включая чемпионаты страны, в составе ее сборной становился олимпийским чемпионом (восемь золотых олимпийских медалей) и чемпионом Европы, вместе с Анатолием Карповым победил на «Турнире звезд» в Монреале, через несколько месяцев – на межзональном турнире в Риге 1979 года, и, оценивая свои выступления, твердо верил, что стиль остался прежним. Может быть, он просто стал постарше, чуть больше видит за соперников, чуть меньше за себя. Чувствуя себя защищенным всей этой броней, Таль утверждал, что того претендента 60-го года он просто бы растерзал! Ботвинник, которого ознакомили с этим заявлением его давнего соперника, недоверчиво покачал

турнире опередил чемпионов мира Эмануила Ласкера и Вильгельма Стейница, претендентов на этот титул Михаила Чигорина и Зигберта Тарраша. Так же в наше время повзрослевший Таль догонял Таля образца 1960 года.

В 1965 году он играл со Спасским финальный матч претендентов в Тбилиси. До поединка с Петросяном оставалось сделать один шаг, но какой! Внешне все было, как в лучшие времена: уютный руставелевский концертный зал для игры, восторженные почитатели и друзья, но уже первые партии показали, что Спасскому удастся навязать ему тягучую позиционную борьбу без какого-либо намека на тактическое оружие, столь любимое сердцу Таля.

После восьми партий счет в матче был равным, когда я по своим редакционным делам пришел поздно вечером в гостиницу «Тбилиси». Узнал у администратора, что Таль пока не возвращался с игры. «Вы его брат?» – спросила она. И после моего ответа сказала убежденно: «Очень похожи!» Скоро пришел Таль в сопровождении верного друга, спортивного журналиста Якова Дамского. Таль выглядел усталым и немного грустным, говорил неторопливо, доброжелательно глядя на собеседника, еще не отошедший от борьбы за шахматной доской и

весь во власти неосуществленных идей. Я знал, что он приехал на матч из Ялты, где врачи подозревали у него что-то нехорошее с легкими и старался поменьше мучить вопросами, ведя беседу в ритме его любимого блица. Он тогда верил в окончательный матчевый успех, не зная, что проиграет три партии и матч окончится, что Спасский, уже начавший штурм шахматного Олимпа, через четыре года увенчает свой труд чемпионским титулом.

В жизни каждого большого шахматиста есть турнирные и матчевые катастрофы,

они делают его человечней, восприимчивей к своей и чужой боли. Вероятность эта с классической точностью сформулирована в афористичной талевской сентенции: «Каждый шахматист – кузнец собственного турнирного счастья». Таль счастье знал. Несмотря на разочарования, болезни, он был счастлив, как может быть счастлив художник, задумав и сотворив красоту, над которой не властно время.

АРСЕН ЕРЕМЯН

головой: «Таль здесь дезинформирует любителей шахмат или заблуждается». Петросян также считал, что игра его друга наиболее гармоничной была в 1957 году, когда он включился в борьбу за мировое первенство.

Такова загадка Таля, которая три десятка лет не давала покоя поклонникам шахматного искусства. О знаменитом бостонце Гарри Нельсоне Пильсбери говорили, что после Гастингса 1895 года он догонял себя, вернее, пытался догнать того Пильсбери, который в том

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

Мысль озаглавить публикацию именно так возникла еще во время этой, четырехлетней давности, беседы с маэстро. И независимо от Маркеса. Во всяком случае, так мне показалось.

Патриарх сидел в кресле. И была осень, - «осень жизни, как и осень года». И в глазах его, потеплевших от нахлынувших воспоминаний, я видел именно осень, - теплую и мудрую. Но не равнодушный холод наступающей зимы...

Одиссей Димитриади... Для меня это была уже вторая (не считая концертов и оперных спектаклей) встреча с этим потрясающим человеком, одной из самых ярких, особняком стоящих личностей грузинской, да и всей советской музыкальной культуры. В 1988 году - тоже осенью и тоже в октябре - я пережил день больших впечатлений, когда впервые побывал в средневековом монастырском комплексе Давид Гареджи, а вечером того же дня, прямо «с колес», слушал неспешный рассказ Одиссея Ахиллесовича - о музыке, о времени, о себе... Вот только воды в реке времени утекло немало... И имен, которые хранит память, стало больше...

А повествование свое маэстро начал издавдалека, и какая-то отстраненная временем спокойная исповедальность придавала ему необыкновенное, как в старых хроникальных кадрах, очарование.

- Мои предки - батумцы, родом из Турции. Мой отец окончил в Турции гимназию. Оттуда переехал в Батуми,

заявлялся коммерцией. Семья была большая, восемь детей, я - последний. Несмотря на то, что он был коммерсант, жили трудно. Но у нас был свой дом, у самого вокзала, - Тифлисская улица была, теперь - улица Бараташвили. Рядом с нашим домом - костел польский. Там я начинал играть на органе (я был скрипач и пианист). Теперь на месте нашего дома сквер, а рядом были греческая и грузинская школы. Там был склад Накашидзе, потом наш дом и еще три дома батумских греков. Мне очень нравилось органное звучание. Греческая церковь очень скучная, - она только на мужском хоре. Причем, хороших голосов никогда не было, пели паршиво. Я - православный, а на службу ходил в костел, потому что там - орган, хор очень хороший, я с удовольствием ходил туда слушать музыку. И играл на органе Баха, Генделя, - мелкие пьесы, несложные. Я тогда еще мальчик был и ксендз мне позволял, - ему нравилось, как я играл. А у них был свой органист, хор, - там поляков немало было тогда.

- **А в Тифлис вы попали уже в 20-е годы?**

- Да, в 26-м году. В 25-м я окончил гимназию в Батуми, мне тогда 17 лет было. Правда, окончил с переэкзаменовками, так что и диплом получил позже.

- **И почему же так получилось?**

- Да работал плохо, - любил оперный театр (глаза шуряты в улыбку).

- Но не грехи молодости виноваты?

- Нет-нет, я любил очень музыку. В Батуми с 21-го года я стал посещать оперу. Помню, «Тоска» была первой моей оперой. И я ходил часто, а когда подрос, стал в мимансе работать. Причем там со мной был мой ближайший друг, тоже батумец, Владимир Канделаки.

- Народный артист СССР?

- Да, мы дружили с 23-го года, нам было по 15 лет. Потом он переехал в Тбилиси, из Тбилиси – в Москву. Там окончил театральную студию Немировича-Данченко и стал одним из ведущих московских артистов. Он умер в 1994 году, похоронен на Новодевичьем кладбище, рядом с Иваном Козловским.

- Батуми для вас – незабываемый город...

- Во-первых, там опера была, и я ходил на каждый спектакль. Мало того, я сам здесь ставил детские оперы.

- Так это ваши традиции продолжили потом в Батуми?

- Да, я поставил детскую оперу Цезаря Кюи «Кот в сапогах».

- В то время вы уже понимали, что станете музыкантом?

- Да, я музыку любил очень, с 7 лет играл на пианино, с 10 лет начал играть на скрипке, а с 12 лет стал заниматься теорией композиции. Когда окончил гимназию, отец сказал: «Ну что ж, на тебе греческий паспорт, поедешь в Грецию» – «Что я буду делать в Греции?» – «Твоя сестра там учится. Будешь учиться на врача или инженера». «Нет, говорю, я в Тбилиси хочу».

- А греческий язык вы знали?

- Да, дома говорили только по-гречески. А ходили все в русские школы. В греческую я ходил только неделю, а потом сбежал, пришел в русскую школу.

- А грузинский тогда знали?

- Знал, но говорил мало. В Батуми очень много было греков, армян, евреев, русских и тогда по-русски говорили больше, а здоровались по-грузински – гамарджоба. Хорошие у меня были друзья. Вот Коля Рухадзе, он окончил грузинскую школу, потом стал министром госбезопасности. И армяне были хорошие ребята. Я помню военный собор, – замечательный, красивый собор. С двумя пушками с каждой стороны и восемь маленьких пушечек вокруг собора. И, помню, когда приезжал брат царя, – в 14-м, кажется, году, – там парад устроили. Когда мы окончили гимназию, всем классом снялись на фоне собора. А потом его снесли и построили гостиницу «Интурист».

- И в Тбилиси ведь был большой военный собор – на месте нынешнего здания парламента...

- Да, но тот, пожалуй, красивее, и стиль какой-то военный был.

- Те годы часто вспоминаете?

- Ну как же, – гимназия на берегу моря. Был первый этаж, и мы, когда начинались теплые дни, прыгали через окно, – 20 шагов было до моря, – купались и прибегали опять через окно обратно. Сейчас далеко море ушло, наверно, на полкилометра.

- А увлечение футболом – тоже с тех пор?

- Конечно. У меня старший брат, Коля Димитриади, был замечательный футболист. Он играл классно, левый край был и подавал корнеры потрясающе – прямо к воротам. И бегал хорошо, и удар был хороший.

У меня была очень талантливая сестра Ирина. Она очень хорошо, по-настоящему, играла на пианино. Я до сих пор не могу забыть ее Восьмую сонату Бетховена. – как она играла! Я сидел рядом и слушал. Но она рано умерла, в 16

лет. А брат мой Коля потом работал начальником Черноморской железной дороги – Сочинской. Он приехал по делам в Самтредиа и там споткнулся ночью на лестнице и упал. Спасти его не смогли. Он всю жизнь мне помогал, и когда я учился в Ленинграде, он меня обеспечивал. А потом уже было трудно, зарплаты не хватало...

На несколько мгновений маэстро прикрывает глаза, вероятно, погружаясь в воспоминания о чем-то уже далеком, беззвучно шевелит губами...

- Вот квартира у меня хорошая, а семья – два сына было. Один вот уже умер – вот портрет его там...

- Да, Парис. Я помню эту трагедию...

- Он был очень талантливый музыкант. Я помню, слушал его, – он играл Мусоргского, «Картинки с выставки». Я заплакал. Я вообще любил его слушать. И вот мое место здесь, в этом кресле, я на него все время смотрю. Одиноко мне здесь, редко меня навещают...

Парис тогда делал снимки с Афонской горы. И встал на камень, а камень пошатнулся – 50 метров он летел вниз и разбился. Я был в Мексике, дирижировал «Бориса Годунова». Жил на даче у импресарио. Вдруг срочно вызывает посол, говорит, что надо вылетать в Москву в связи с тяжелой болезнью сына. Я прилетел в Москву, без денег был. Мне помогли тбилисцы, – узнали меня, купили билет. В самолете ко мне вдруг подсел пилот. Я, говорит, сегодня имел несчастье вашего сына привезти. Я говорю: которого? – «Старшего, Париса».

- Так вы еще не знали!

- Я уже знал, что сын погиб, но не знал который. Тяжелые были дни. Такая, значит, судьба. Что поделаешь...

- Второй сын с вами...

- Да, Орест здесь, со мной. Он занимался спортом, был одним из первых в Тбилиси регбистов, окончил университет. Он родился в этом доме («11-этажный» дом на площади Героев, - А.Б.), когда его только построили в 37-м году. У него двое детей, дочь и сын. А у меня еще дочь есть, Нана, – от первой жены.

- Да, известная пианистка, профессор Тбилисской консерватории, в которой и вы учились и столько лет работали. А в Ленинград вы попали сразу после ее окончания?

- Нет. В 30-м году, когда я окончил нашу консерваторию, Захарий Палиашвили – он был ректором – послал меня в Сухуми. «Ты знаешь, – говорит, – я посылаю тебя в Сухуми, потому что там, во-первых, много греков. А во-вторых, – абхазская музыка совсем не исследована, и ты должен помочь абхазам создать абхазскую музыкальную культуру». Сам Захарий Палиашвили думал об абхазской музыке в 30-м году!

Консерваторию я окончил по классу композиции у Сергея Васильевича Бархударяна. Потом Бархударян поехал на год практиковаться у Христофора Степановича Кушнарева, – очень большой, видный был человек, тоже тбилисец. Он замечательные открытия сделал в полифонии. Тогда я начал дирижированием заниматься у Бариновского Михаила Михайловича, он из Москвы приехал. В 34-м я поехал в Ленинград, впрочем окончил там консерваторию и вернулся в Сухуми.

- Именно в те годы вы познакомились с Евгением Микеладзе...

- Да, он учился в Ленинграде и каждый год приезжал на каникулы. Мы с ним познакомились и подружились. Он тогда уже окончил в Ленинграде консерваторию, у Гаука. И Женя мне сказал: «Что ты сидишь в Сухуми, давай, приезжай сюда». Я приехал в Тбилиси, а через несколько дней его арестовали.

В кругу семьи на 75-летнем юбилее

В тот день шла генеральная репетиция «Латавры» Палиашвили. Дирижировал Шалва Азмайпарашвили. Микеладзе сидел в партере. И вдруг вышел. А я говорю соседу: «Молодец Женя, вовремя ушел, - такая скука». И опера скучная, и говорили на обсуждении скучно. Я помню, Саша Дудучава был председателем собрания - начальник Управления по делам искусства. И уже поздно ночью, где-то в три часа закончили обсуждение. И вдруг говорят: «Женю взяли отсюда». Я, окровенно говоря, думал, что и меня возьмут, - я каждый вечер у него дома был. Чай пили, сидели подолгу. Вином меня угощал. А сам не пил, нет. И не курил. Он меня взял сюда, в Тбилиси, потому что до этого были два иностранных дирижера и их выслали. И я стал дирижером оперы, и первая моя опера - «Тоска».

- Опять «Тоска»!

- Да, и в Батуми первая опера, которую я услышал, была «Тоска» - какое совпадение! Женя сказал тогда: «Я должен дать тебе дебют». Я говорю: «Пожалуйста» - «Что решим?» Я говорю: «Кармен», «Аида» - «Не надо, это мой репертуар. Пока не стоит. Давай возьмем «Онегина». И вот устроили мне дебют. И после «Евгения Онегина» решили меня зачислить. Женя тогда сказал: «Учти, что плохие дирижеры работали так, что тебе придется повозиться». И я повозился, и играли ее 10 лет. А тогда - репетирую с певцами: «Привычка свыше нам дана (напеваает), - замена счастию она» - и вдруг слышу какую-то ерунду. Я говорю: «Дурака не валяйте!» И вдруг весь оркестр: «Услышал!» Оказывается, до сих пор дирижеры стояли за пультом, им играли в «Онегине» румбу, а они не слышали! И я с грустью вспоминал потом это, потому что Женя сидел на моих репетициях в сентябре 37-го.

- В Сухуми вам не приходилось встречаться с Нестором Лакоба, - он тогда большим человеком был?

- Да, конечно. Когда я вернулся в Сухуми из Ленинграда, Лакоба мне сказал: «Тебя хотят забрать в Тбилиси. Ну, что ж, поезжай». А вскоре я играл с оркестром похоронный марш Шопена на его панихиде. Он в Тбилиси обедал у Берия, а когда вернулся домой, ему стало плохо.

- В 1981 году, тоже в октябре, я был в Москве у Ираклия Луарсабовича Андроникова. Мы говорили тогда, в частности и о судьбе Евгения Микеладзе, о том, что он учился у Гаука вместе с Евгением Мравинским. И Андроников сказал, что Микеладзе по своему таланту и творческому потенциалу был гораздо выше Мравинского, и что, останься он жив, - это был бы очень большой дирижер.

- Мравинский много лет работал в оркестре Мариинского театра, начал дирижировать балеты. Потом ему повезло: в 37-м всех иностранцев выслали, и Мравинский сразу стал дирижером Ленинградского филармонического оркестра и почти 50 лет был им бессменно.

- На ваш взгляд, Микеладзе был одинаково силен в симфонической и оперной музыке?

- По-моему, в опере он еще сильнее. Потому что все-таки симфонические концерты тогда еще мало давали. А он давал их регулярно.

- Знаменитые симфонические вечера по понедельникам...

- Да. И привез музыкантов хороших. Вообще, сам великий Шостакович тогда мне о нем говорил: «Очень талантливый! Лучше нашего». А там Мравинский уже был.

- В этом году ушел Джано Кахидзе...

- Да-да. Это мой лучший ученик. И он всегда говорил: «Мой учитель - Одиссей Димитриади». Он был хормейстер вначале. Я его взял, перевел на работу в театр. И я доволен был - прекрасный, законченный дирижер!

- И после Микеладзе - наиболее яркая фигура...

- Безусловно. Это очень яркая фигура. Часто, когда я приезжал сюда, меня просили сравнить Микеладзе и Кавидзе. Но я избегал этого, потому что Женя, конечно, был очень талантлив, но он пришел в театр без всякого опыта и погиб в 35 лет. А Джансуг – с 63-го года за пультом, так что у него опыт большой уже был, - ему было 65 лет. Он много работал в театре и в симфоническом оркестре. Очень талантливый был человек.

- Какую музыку вы любите слушать, кого из композиторов предпочитаете?

- Бетховен, Чайковский, Брамс. И Шостакович.

- А в современной музыке, - Шнитке, например?

- Шнитке я еще не исполнял. Я все думал, что поеду в Москву, с ним познакомлюсь. И вот он вдруг умер несколько лет назад. Он очень, очень интересный композитор. И Джано как-то дирижировал его произведением, и мне понравилось.

- А Гия Канчели?

- Гия Канчели – только в исполнении Джано. В другом исполнении я не признаю. А Джано становился за пульт, - не знаю, что он делал, - новое произведение!

- Это и сам Гия говорил...

- Да, да, это было абсолютно потрясающе, что он делал! Он творил в музыке Канчели суперчудеса.

- Что вас потянуло сюда, вы уже год не были в Греции?

С дочерью Наной

- Ну, здесь моя родина, все родное. А в Греции, в Афинах, я живу с 94 года. Там и дети моего Ореста вместе со мной живут. А сюда я приехал из-за болезни сына, - три операции ему сделали на глазах. Хочу, конечно, в Грецию поехать, а сын не пускает, - что, говорит, будешь там делать. А я хочу поехать и там еще поддирижировать.

- Как, вы еще работать намерены?

- Да, опять дирижирую в Афинах симфоническим оркестром. А в 98-м году, когда мне 90 лет было, я дирижировал в Большом театре «Евгения Онегина». Это, по-моему, был рекорд.

- Сколько же лет вы в Большом проработали?

- Восемь лет – с 65-го по 72-й год.

- Судьба вам подарила немало встреч с людьми необычными...

- Очень подружился я с большим артистом Иннокентием Смоктуновским. И последний раз, когда в Греции встретились, мы поднимались вместе к монастырю, и он меня под руку взял... А потом вдруг, видно, ему плохо стало. И он больше со мной уже не ходил. И вдруг – приезжаю в Москву и узнаю, что он умер. Он лет на 20 был моложе меня. Я его по Ленинграду знаю, - я исполнял с оркестром Ленинградской филармонии «Эгмонта» Бетховена, а он читал текст. О-о, обожала публика его! И когда оркестр звучал громко, из зала кричали: «Потише, оркестр!»

Последний, самый лучший, самый близкий друг был Зураб Анджапаридзе. Это мой воспитанник. Все оперы, которые он пел в Большом театре, - «Аида», «Кармен», «Тоска», «Пиковая дама», - Зураб проходил со мной. Когда Александр Шамильевич Мелик-Пашаев узнал, что он проходит партию со мной, то сказал: «Если у Одиссея проходил - ставьте на спектакль». Мы очень дружили с Мелик-Пашаевым. А Зураба Анджапаридзе я очень любил - замечательный парень. Я его называл великим оперным певцом нашего века.

- Редкий по красоте голос...

- И актерство! И душа была! Он был моим учеником и другом. А до этого я дружил с Давидом Андгуладзе, - он тоже батумец. Он ведь в милиции работал.

- Вот так новость!

- Да. Вронский в Батуми организовал оперную студию и решил поставить «Евгения Онегина». А мой учитель, Леккер, - дирижировал. И он мне сказал: «Приходите на репетицию, я вам дам одного грузина послушать». Это был Давид Андгуладзе, который тогда запевал в хоре. Вот с чего он начинал свою блестящую карьеру.

- Удивительный голос был у него...

- Да, потрясающий! И у Давида Гамрекели был потрясающий голос.

- О, да! Такой красоты бархатный баритон был только у него и у Павла Лисициана.

- Да, совершенно верно.

- В Батуми вы давно не были?

- Я был там в позапрошлом году, дирижировал оперой «Абесалом и Этери». А недавно побывал в Кутаиси, - я там в свое время ставил «Сельскую честь» и сейчас восстановил этот спектакль. А впервые я поставил эту оперу в Тбилиси, перед отъездом в Большой театр, - это событие было, невероятный успех!

- Вы действительно удивительный человек!

Вот вам сейчас 94 года, а глаза – молодые. Я вас очень утомил, но ведь с вами так интересно беседовать! И вы все помните – имена, годы, детали...

- Нет, кое-что забываю...

- Но вас, поверьте, не забывает никто. Спасибо вам за все и от всех, и дай вам Бог здоровья.

Увы, небесных сил хватило ненадолго, в апреле 2005-го Одиссея Димитриади не стало. Быть может, так оно и должно было случиться... Во всяком случае, в минуты прощания с maestro под проливным дождем в оперном сквере, мы с друзьями-музыкантами пожелали друг другу, чтобы жизнь наших детей была не менее долгой и не менее красивой...

АНДРЕЙ БЕЛЯВСКИЙ

«Я СЧИТАЮ СУДЬБУ СВОЮ ВПОЛНЕ СЧАСТЛИВОЙ»

А хорошо бы после трубы «Страшного суда» вступили саксофоны...

В. Шендерович, из шендеров

Писатель-сатирик – сочетание довольно странное и непонятное. Или дано, или не дано. Шендеровичу – дано. «Сатира по определению существует на преодолении», – говорит он. Ничего и никого нельзя любить пафосно. Кажется, нечто такое говорил Г. Горин, что здоровая ирония лучше ложного пафоса. Шендерович вспоминал слова Фазиля Искандера: «Сатира – это оскорбленная любовь». «То есть обязательно должна быть любовь», – добавляет Виктор. И это еще – оскорбленная любовь к Отечеству, видимо, тоже в данном случае? Любовь к России по определению не может не быть странной. Трудно любить страну, такую большую, перенаселенную в центре и совершенно безлюдную в пространствах трудной тундры, от всякого рода бесконечной диктатуры до измученного и растерзанного самим собой, зачастую и своим невежеством, народа (приходят на ум слова Лескова, сказавшего, что Русь была крещена, но не просвещена) до таких редчайших бриллиантов культуры, какими одарил нас Господь уже хотя бы в два предшествующих века. Амплитуда охвата – в географическом, в социальном, во временном, в пространственном, в языковом, да и просто в человечес-

ком плане непредставима. («Страна, которая так широко раскинулась, провоцирует своих насильников...», из шендеров). И вообще, чем жестче и трудней условия жизни в той или иной стране, тем ярче горят некие единичные звезды – отдельные люди. И догадал же черт многих из них родиться в России с их душой и талантом...

Виктор Шендерович прибыл в Тбилиси по приглашению президента Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб» Н. Свентицкого. Он приехал извиниться, хотя ему самому просить прощения не за что. Извиниться за тех, кто этого не умеет и не станет делать по определению, и с кем он находится по разные стороны одной большой стены, разделяющей, довольно четко, добро и зло, ведь, как сказал поэт, «зло существует, чтоб с ним бороться, а не взвешивать на коромысле». Когда граница добра и зла размывается и смысл мерцает меж ними, а хочется понять суть, надо обязательно послушать, что и как говорит Виктор Шендерович.

– Последний раз я был горд, что российский гражданин, в августе 1991 года, потом поводов не видел, но такого острого стыда, который вызвала вся эта история, у меня не было. Мне из Тбилиси звонят друзья и успокаивают: не волнуйся, мы понимаем, что это не ты – они. Но все равно желание приехать, извиниться, что-то сделать самим есть, потому что мы можем рассчитывать только

на себя. Была идея приехать десантом, и очень многие люди хотели поехать. Но действительно трудно. Я прибыл из Еревана на машине.

Армяно-грузинская таможня - дивное зрелище. Кто не видел, очень советую. «Кто поехал?» - «Друг поехал». Почему стоим или едем (кто кому нужно слово шепнул) - никто не знает. Все происходит очень медленно, очень по-нашему - не по-армянски, не по-грузински. По-нашему. Я узнаю это. Я считаю, что на армяно-грузинской границе надо установить фотографию Мкртчяна-Кикабидзе в полный рост - сработает, просто как воспоминание. Все замечательно. Я приехал сюда, попал, как всегда, сразу в застолье, в тепло, в любовь, и, конечно, еще раз, уже из Тбилиси вся эта история кажется просто бредом. Но остается ощущение, что надо как-то подталкивать их, напоминая им, что они, собственно говоря, не боги, а всего лишь администрация, которая должна улучшать нам жизнь, а не взаимно ухудшать. Не делать так, чтобы закрывались границы, росли цены, депортировались люди и так далее. Ксенофобические цифры в России довольно серьезные: 38 процентов опрошенных Левада-центром сказали, что следует депортировать из России российских граждан грузинского происхождения. Это результат массовой атаки на незащищенное, ослабленное, пропитое сознание. Но следует понять, что это шизофренический процесс в секунду обострения, рецидив. Когда организм ослаблен, может вспыхнуть любая болезнь. Как СПИД - умирают не от простуды, просто организм не сопротивляется. Это может случиться на грузинском направлении, на каком-то другом, национальном, социальном, то есть мы болеем. Думаю, шизофрения через какое-то время окончательно схлынет, потом лидеры наконец встретятся, сделают вид, что оба победили. Хотя, честно говоря, для людей гораздо важнее рукопожатия цена на газ.

- Чем защитить ослабленное сознание общества?

- Все придумано давно. Это называется демократия. Про Грузию не очень могу судить - я все-таки гость. Про Россию - надо взбивать лапками молоко. Сейчас демократия в России стала ругательством и абсолютно дискредитирована. Нет свободной прессы, нет парламента - это подразделение администрации президента. В суд звонят просто в открытую, все решения принимаются на Старой площади группой людей. Это опасная вещь и, как всегда при консолидации власти, кончается плохо. Насколько плохо закончится - посмотрим. По крайней мере, надо сопротивляться.

- Какие реальные шансы у думающих людей?

- Как всегда, небольшие. Вы знаете, кто-то из древних греков на храме Артемиды в Эфесе, сожженном Геростратом, высек, что «умных всегда меньшинство». Всегда и везде. Людей, способных на самостоятельный анализ, способных отличать добро от зла, внятно противостоять злу, всегда меньшинство. Тем ответственной роль тех, кто хотя бы в чем-то отдает себе отчет. Мы сейчас идем против ветра, конечно. Результаты нулевые. Но если этого не делать, будет еще хуже. Изменится что-то? Надеюсь, что мы успеем понять это головой, а не другими частями тела. Потому что другими частями обязательно поймем, как во всякой концентрации власти. Когда на головы людей, раньше кричавших «Хайль» совершенно искренне, о централизации власти, укреплении национального самосознания, борьбе со всякими мелкими народами, мешающими жить, стали падать английские, американские, а

потом советские бомбы, то было уже поздно. Весь вопрос в том, каким местом народ понимает эту опасность. Если головой, то не доводит до гибели и не исчезает парламент, пресса, и остается только один большой рейтинг. Демократия - набор механизмов, которые работают, лучше или хуже. Разделение власти, свободная пресса, независимый парламент, независимый суд. В Норвегии каждый норвежец состоит в 5-6 общественных организациях. Кто об экологии заботится, кто зверюшек охраняет, или права пешеходов. Абсолютно тотальный контроль общества над властью.

- Допустим, свобода выбора у нас есть всегда. Что еще есть из свобод в России?

- Да нет, полно свободы! Делай, что хочешь. Встал утром...

- Пошел - убил...

- Пошел - убил. Пошел - вступил в «Единую Россию», пробился, получил какую-то квоту, недвижимость. Или пошел на митинг памяти жертв Беслана, и тебя отметели палками омоновцы. И то, и другое - проявление внутренней свободы, ты так для себя решил. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

- Вспоминаются слова Натана Эйдельмана, что свободы в России длятся 10-15 лет... А потом опять начинается диктатура...

- Да, но штука в том, что все-таки это не предрешено заранее. Вопрос в том, когда будет следующий период. Другое дело - когда мы говорим «ждать», это не значит, что я сел на берегу и жду. Надо посылно делать что-то, чтобы как минимум это не отдалялось. То есть делать, что должно, по речению древнеримскому.

Рядом с ним по определению ничего не может быть пошлым, дешевым; глупость сразу понимает свое место, сентиментальность и мелодрама пятятся, уменьшаясь в размерах, он совершенно спокойно можно говорить обо всем на свете, собственной интонацией и своими словами, умеющий быть собой до конца и дающий быть собой другому.

Шендерович ходит в обнимку с истиной - причем не отстаивая ее, а просто рассказывая («Вечный ассортимент: черствый хлеб истины - и маковая булка лжи...»), «Когда истину долго отстаивают, вера выпадает в осадок», из шендеров).

- Кто ваш идеальный собеседник?

- Я бы рискнул сказать, что где-то в промежутке от Пушкина до Бродского есть несколько идеальных собеседников, как у читателя. Правда, я не могу похвастаться тем, что все понимаю, что говорят мои собеседники. Я понимаю, что мне еще думать и думать, читать и читать, расти и расти. Но, в общем, идеальные собеседники, конечно, они умнее меня, глубже меня, значительнее меня...

- Представим, что рядом с вами сейчас сидит Александр Сергеевич и спрашивает: «Как дела сегодня в России?» Как бы вы ему ответили?

- В одной из программ, где речь шла о прямой линии президента с народом, у меня была такая печальная шутка. Я сказал: «Пришел вопрос на пейджер от Александра Сергеевича из села Михайловское Московской области: «К чему стадам дары свободы?» Я говорю: да ни к чему, Александр Сергеевич, даром не нужны!» Пушкинские диагнозы подтверждаются, ничего он у меня спрашивать не будет. Потому что все знает.

Россия – страна довольно метафизическая, и меняются разве что мундиры и названия. Государь-император называется то генеральным секретарем, то президентом демократической России, да на здоровье. Народ как безмолвствовал, так и безмолвствует. В общем, как у Бродского, «Далеко же видел, сидя в родных болотах». А видел далеко, и я думаю, то, что он предугадал, написал, констатировал, можно сегодня цитировать без указания даты.

- И снова к Пушкину: «Черт догадал меня родиться в России с моей душой и талантом». Знакомы ли вам такие состояния душевные?

- Для того, чтобы иметь право на эту фразу, надо быть Пушкиным. Просто душевное состояние Пушкин

выразил по-пушкински, а оно присуще всякому рефлексующему человеку. Думаю, не только в России. Я бы сказал так: совсем немного стран, которые не приводят в отчаяние живущих в них. Мне трудно говорить за других. Что касается России, то чувства отчаяния, стыда за государство почти регулярны.

- Вы настолько неразделимы со страной? Не больше ли литература?

- А это неважно. Литература – само собой. Это уже такой медицинский факт. Но со страной – безусловно. Что называется, как у Довлатова в «Заповеднике», «это не любовь, это судьба». Это судьба, и так получилось, что я стал человеком, который для какого-то количества, может быть, десятков тысяч людей, что-то значит, да? У меня ответственность перед ними, я им уже обязан. И это реально чувствую, но я не могу им сказать: знаете что, я немножко устал, поеду в Италию писать книжку, а вы тут как-нибудь сами... Я понимаю, что, скажем, моя эмиграция будет некоторым сигналом. Нет, не только переменной в моей личной жизни, но некоторым знаком для какого-то количества людей... Или капитуляция, или – как угодно. По крайней мере, для меня это уже не только личные обстоятельства. 10 лет назад я мог уехать. Нет, никакой богоизбранности во мне нет, я не считаю, что я в России что-то призван изменить, но мне неловко, я очень ценю свой душевный покой. Я хочу просыпаться в хорошем настроении, но я не буду просыпаться в хорошем настроении, если буду знать, что я просто поматросил и бросил. Звал людей там, слова говорил...

- Два года назад вы мне говорили, что очень скоро станет то время, когда мы забудем слова «Путин», «Чечня» и все такое...

- Исторически очень скоро. Что касается Путина – сойдет через какое-то время. Надо различать – Путин как реального политика и Путина как симптом. Как симптом он останется очень долго. Но у него будет имя

С Бубой Кикабидзе

«Медведев», допустим, или «Иванов», кому он передаст кнут и пряник, фамилия этого парня большого значения не имеет.

- Вы не боитесь?

- Я не могу сказать, что не боюсь, я отдаю себе отчет в том, кто против нас, нравственный облик более-менее представляю. Ну я, во-первых, свое отбоюсь, я свой вагон страха выпил в армии советской, в начале восьмидесятых годов, когда меня могли сгноить с белого света, совершенно безвестного. У меня нет совершенно страха, я живу в свое удовольствие. Я немножко фаталист. Так получилось.

- Чеслав Милош считал, что писатель обязан вести нравственно чистый образ жизни. В принципе, важно ли какой образ жизни ведет великий писатель, поэт или нет?

- Знаете, какая штука, и важно, и неважно. С одной стороны, мы должны понимать, что талант – это как мешок, который просто бросают на плечи человеку, и для нас, собственно говоря, потребителей, адресатов он почтальон. Он должен донести до нас этот мешок, заказное письмо, бандероль. Собственно говоря, не наше собачье дело, с кем он спит, как он пахнет и что он пьет. Это не наше собачье дело. Это его личная жизнь. А он – ему низкий поклон и уважение за то, что донес. В том виде, в котором ему было это брошено. Конечно, нам по старинке хочется, очень приятно думать, чтобы все совпадало. Мне посчастливилось знать Григория Горина, который был в этом смысле поразительным примером. После его смерти все больше проясняется. Зиновий Гердт говорил про Андрея Миронова: «После смерти Андрюша стал играть еще лучше». Понятно все, да? То есть масштаб, масштаб, масштаб.

- И после Гердта...

- Да, и понимаешь: Господи Боже мой, после смерти какое и что начинает проясняться! И Горин, конечно, после смерти пишет все лучше и лучше. И когда смотришь все эти кинофильмы... Так что, конечно, есть примеры, и

стремиться надо, но относиться к этому нужно все-таки... Ну если нет совпадения, значит, отойди; как сказано у Жванецкого, «не нравится - уйди, не стой во всем этом». Значит, читай, слушай музыку... Мы же не требуем от Паваротти, чтобы он прыгал в высоту. Да? Нас как-то не смущает его личная жизнь. Де Ниро, говорят, вообще чудовище, Гоголь - так вообще за пределами... Лучше было близко не подходить к этому человеку. Человеческое выживание, деградация - все, что угодно. Но он «Мертвые души» написал! Каким образом?! Почему?! Как ему надиктовалось?

- Пушкин подсказал...

- Спокойно... Пушкин, говорят, и «Ревизора» подсказал. Во-вторых, это же неважно. Важна вот эта музыка. Как, почему напелось? Что ему? Бог его знает. Если не совпадает, не надо сильно расстраиваться, надо просто понимать: ну значит, не совпало. Но когда совпадает, как в случае с Чеховым... Он приезжал в Мелихово и поднимал белый флаг над крышей дома, с крестом, чтобы знали: приехал доктор и будет лечить бесплатно. При полной

С Котэ Кубанешвили

славе. Конечно, это, скорее всего, исключение из правил...

- Вы любите Чехова?

- Любить Чехова нельзя. Он совершенно не располагает к любви. И не требует любви. Он вызывает невыносимое уважение и требует понимания. Довлатов говорил, что походить бы хотелось только на Чехова. Можно восхищаться этим, этим, этим, но походить хочется быть на Чехова.

- Вы говорили, что смех - очень тонкое чувство и последнее наше демократическое оружие...

- Знаете, у Вадика Жука есть замечательное замечание, что смех - более тонкое чувство, чем слезы, потому что заставить человека насильно расплакаться можно, но не насильно рассмеяться. Смех тоньше устроен.

- А что-то додумывать, до чего-то дойти помогает больше смех или страдание?

- А я думаю, что поровну. Толстой говорил, что для счастья нужно столько же счастья, сколько несчастья. Гердт в одном из последних интервью, когда его спроси-

ли про счастье, ответил: «Я этой дамы не встречал». Ну да, но нужно, нужно страдание. Человек не страдавший, не мучавшийся - не вполне человек.

- Довлатов писал в «Заповеднике», что слабый преодолевает жизнь, а сильный осваивает. Себя причислял к тем, кто преодолевает. А вы?

- В значительной степени, к сожалению, больше преодолеваю, чем осваиваю. Хотя учусь осваивать. И надо заставлять себя подниматься, и в этом смысле очень полезна какая-то череда физических действий, еженедельный режим, в котором я существую 12 лет, от программы к программе: написал, отдохнул, снова написал, поел, отдохнул, снова написал. Он очень хорошо восстанавливает психику. Потому что ты понимаешь, что есть вещи, которые ты должен делать. Бывают недели, повод, когда ты хочешь сказать, публицистическое что-то тебе хочется высказать по этому поводу. Ну, в общем, бывают такие недели, не приведи Господь. К сожалению, они случаются в России довольно часто. Тогда тебя душат слова, надо их сказать, ты обязан их сказать, тебе хочется их сказать. Это моя публицистическая обязанность, и необходимо для страны, для людей. Ничего личного! Просто это гигиена. Как чистить зубы.

- Вы - гигиена?

- Я работаю гигиеной, да.

- Санитар леса?

- Санитар леса. Совершенно верно.

- Но у вас глаза не волчьи.

- А, нет-нет, я другой санитар леса, я полезный член этого сообщества зверей.

У него действительно удивительные глаза - знаменитый, врожденный, испытанный века и веками не испытанный и не исчерпанный взгляд с тысячетлетней печалью, в котором три абсолютно условные формы Времени сошлись в боли и смехотворности, независимо от веры, или ее отсутствия, убеждений и мироощущения - неосознанной или осознанной тяжести с Творцом. Но у него грусть во взгляде смешана с неким озорством, сумасшедшинкой и очень острым умом. Нервный - не напоказ, каким только может быть человек мыслящий, глубоко чувствующий и очень артистичный,

остроумный и потому печальный, быстро реагирующий на движения мысли и души и любознательный, вежливый не по натужной внешней необходимости, а по изначальной внутренней заданности; умеющий смеяться и смеющийся всегда от души (Достоевский определял людей по смеху) - человек, который не притворяется ни в чем, да и как, вспоминая Д.С.Лихачева, можно притвориться интеллигентным человеком? А у Шендеровича это на лице написано. Человек частный, у которого много за душой, а не за пазухой.

- Знаменитый петербургский профессор, недавно ушедший из жизни, Каган говорил мне, «Интеллигент - человек с больной совестью». Судя по этому, вы человек не очень здоровый?

- Не мне судить. На цитату - цитатой, очень известной. Бродский любил цитировать Акутагаву: «У меня нет убеждений, у меня есть нервы». Ну нервы есть вроде бы. По крайней мере, есть ощущение, что не политически, а интуитивно добро от зла отличаю.

Встреча в Тбилиси

- Священник Михаил Ардов считает, что интеллигенции как таковой больше нет.

- В прежнем значении слова нет. Она, чеховская, там Бердяев, Розанов, была размазана по границе, или уничтожена, или успешно деградирована или ассимилирована. Солженицын определил это словом «образованщина». Я думаю, довольно точно.

- Есть сегодня тот круг, который можно назвать интеллигенцией? И сегодня где она должна быть?

- Понимаете, какая штука, это самоназвание. Ни у кого нет корочки, что он интеллигент. За этим не следует никаких прав – одни обязанности. То есть квоты на нефть, доступа к государственным финансам ты не получишь. Только обязанность социального поведения и ограничения. Те люди, которые на себя эту обязанность возложили, должны, назвавшись груздем, полезать в кузов: возвышать свой голос в защиту справедливости, прав человека, достоинства и так далее.

- Через что может определить себя нация? Быт, религия, культура, язык, национализм?

- Через культуру – конечно. Тут бы этот вопрос задать моей дочери-антропологу, которая знает правильный научный ответ. О слове «культура». Все имеет значение. Но когда нация переходит в вопросе самоопределения на форму носа и акцент и, как это было, в советское время, когда рассекречивали псевдонимы – кто ты там на самом деле... Когда нация падает до таких «низот», то худо ее

дело. В одном мешке с национализмом лежат довольно страшные вещи. И никогда не было иначе. Просвещенный национализм – вещь глубоко теоретическая, в отличие от всех погромов, концлагерей и этнических чисток. В этом смысле последние века дали некий рецепт: делать опору не на народ, который понятие виртуальное, фантазия поэта, а на личность человека. Начиная с энциклопедистов, скажем, с появлением формулировок, что каждый человек рождается свободным – совершенно фантастических. Последние века дали этот ориентир: мы измеряем не народами, мы измеряем человеками.

- Не раньше ли? Кстати, вы упорно именуете себя атеистом, и, тем не менее, говорите, что три-четыре заповеди стараетесь исполнять...

- Если под словом «атеизм» понимать то, что практиковалось в 20-30-х годах прошлого века в России, то не атеист. Просто не нуждаюсь в посредниках для отличия добра от зла. Я не нуждаюсь для этого в ритуале.

- В Евангелие по этому поводу есть хорошая притча о двух сыновьях, один из которых говорит «да» отцу и не идет к нему помогать, а другой говорит «нет», но встает и идет к отцу на помощь.

- Это надо спросить у Бога, любит ли Он меня, хотя пока я считаю судьбу свою вполне счастливой. Есть заповеди, которые мне кажутся самыми главными, и, думается, для этого не надо непременно класть на себя крест, обращаться лицом к Востоку или браться за мезузу. Для того,

чтобы не лгать, не убивать, не воровать и не сотворить кумира, скажем, достаточно просто быть культурным человеком в каком-то точном смысле. Просто знать об этом. Эти заповеди для меня имеют практический ежедневный смысл. Мне просто так правильнее, удобнее жить. Зачем себе отказывать в таком удовольствии?

- *Что для вас важнее: быть литератором, писателем или делать такие передачи?*

- Мне лестно думать, что я, если бы я – в сослагательном наклонении – оказался автором некоторого количества текстов, которые останутся, которые можно будет читать потом. Именно как литературу. То есть там рассказы, пьески, пьесы... Пару стихов. Мне это лестно. А то, что касается публицистических текстов, я понимаю, что это надо делать, такая публицистическая, гражданская обязанность, плюс – в идеале, конечно, – есть примеры в русской литературе, когда такого рода публицистическая работа потом уцелевала. Скажем, В.Дорошевич писал фельетоны по поводу там каких-то министров царского правительства, но это сегодня читается легко. Потому что Плеве, Дурново все давно уже забыли, а «Портрет полицейской души», Дорошевича фельетон, о полицмейстерах – это литература. И уже плевать, что никто не знает, что были такой Дурново или Плеве. Нет, это литература. Но

казаться сумасшедшим, сказать, что это книжка хорошая. Это книжка историй, баек, где собраны вещи со словами: «Рассказывают, что как-то раз...». Любимый жанр, пушкинский table-talk. То есть там, где нравы, обычаи времени, характер человека – все там, внутри, в историях. Без всякой морали. История – такая самооценная вещь.

- *К большим жанрам не хотите переходить?*

- Нет, нет, я не чувствую в себе сил на роман, мой сюжет кончается на седьмой странице. Я не понимаю, о чем рассказывать дальше. У меня есть идея выпустить книжку, состоящую из одних названий. Нет, способностей Льва Толстого и Голсуорси я в себе не чувствую. Дай бог, уровень Дорошевича – его достигнуть надо. Это один из авторитетов, безусловно. Если говорить о краткости письма, я как раз Дорошевичем и ударен. Что абзац может состоять из одного слова. Это мне Дорошевич объяснил когда-то (*смеется*). Что касается размеров того, что пишу... По первой специальности я человек театральный, учился в театральном институте, и поэтому понимаю, что органика – это самое главное. И не надо поперек органики. Да? Тебе дана такая длина дыхания. Если ты Санчо Панса, не надо тебе висеть на турнике, вытягивая себя в дон кихоты. Надо понимать жанр свой, что тебе дано, какая органика тебе присуща. Я пишу коротко, тщательно отбираю слова, у меня короткое дыхание, романы пусть пишут те, у кого это получается.

- *Ваш Живой Журнал предвзвещает такую трагическую ситуацию, фраза: «В детстве оптимиста уронили. На пессимиста. Где там вы?»*

- (*смеется*) Нет, там нет меня. Я рискну напомнить то, что прекрасно известно у Бахтина про Достоевского – про диалогичность. Искать Достоевского бессмысленно в его персонажах. Их сумма и есть Достоевский. Я и оптимист, и пессимист.

... Известный случай, когда пришли к писателю Виктору Некрасову энкавэдэшники, и пока шел обыск, один почти виновато сказал: - «Извините, у нас такая работа». - «Могли бы выбрать другую», - ответил писатель.

Шендерович выбрал, выбрал путь того отдельного человека, которого, вспоминая Нобелевскую лекцию Бродского, спасти всегда можно. (*«То, что стоит особняком, труднее сносить», из шендеровича*). Ведь, как сказал однажды Натан Эйдельман, «не мир тесен, а круг узок». Так что если прилетит к нам в ближайшие годы какой-нибудь гуманный гуманоид, захочет разобраться, как обстоят дела сегодня на этой разноцветной и разноязычной планете, миролюбиво, по-настоящему – ведите его к Шендеровичу. Он и ему, и вам все расскажет и покажет куда идти дальше.

ИННА КУЛИШОВА

На юбилее Н.Свентицкого

в принципе, конечно, для меня важнее те рассказы, пару рассказов, которые я и на концерте читаю, и мне самому симпатичны... Конечно, мне это более нужно.

- *Два года назад вы выпустили книгу «Изюм из булки», которая к нам, кстати, так и не дошла...*

- «Изюм из булки» не дошел? В Австралию доходит, а к вам нет?!

- *Ну так это Австралия!*

- А, это гораздо ближе (*смеется*). Австралия – просто под боком. «Изюм из булки» - хорошая книжка. Книжка-история. Это тот случай, когда автор может, не боясь по-

ТАЙНА ОДНОГО ПОРТРЕТА

Довольно часто приходится сталкиваться с мнением, что музей – это лишь пристанище для исторических раритетов, хранилище переживших свою эпоху и ставших ненужными вещей и предметов. Тем, кто придерживается подобных взглядов, трудно представить, что в тиши музейных залов иногда разворачиваются почти детективные события, способные раскрыть многолетнюю тайну того или иного экспоната: установить его автора или вернуть из забвения имя изображенного на портрете персонажа.

В собрание музея «Метехи» (Государственного музея искусств Грузии, а ныне Национального музея Грузии) в 1939 году из Государственного Русского музея (Ленинград) поступила большая группа экспонатов, среди которых находился женский портрет, считавшийся работой русского живописца В.А.Тропинина. Это удостоверяла подпись в правом нижнем углу картины. Об изображенной сообщалось, что это Екатерина Алексеевна Архарова, суп-

руга известного своими чудачествами московского градоначальника.

Лицо изображенной на портрете дамы привлекало своей неординарностью и особенно пронзительным и умным взглядом. Было в этом портрете нечто завораживающее, притягательное... Может быть, бросающееся в глаза несоответствие его живописной манеры стилистике известных произведений Василия Андреевича Тропинина? Сухая и жесткая живопись, глухой фон без свойственной Тропинину светоносности, строго фронтальная композиция, лишенная столь любимой им «контрапостности» – все вызывало сомнение в его авторстве.

Решено было подвергнуть портрет технологическому исследованию. Наблюдения в бинокулярный микроскоп и в ультрафиолетовой люминесценции сразу же принесли сюрприз: выяснилось, что подпись «Тропининъ» была нанесена позднее, возможно, в процессе реставрации портрета. Не менее важным сюрпризом оказалась рентгенограмма: портрет был написан поверх другого женского портрета, расположенного по отношению к нему «валетом», типаж которого был явно нетропининским. Сравнение полученной рентгенограммы с рентгенограммами подлинных тропининских портретов, хранящихся в Третьяковской галерее, выявило совсем другую живописную манеру и, следовательно, подтвердило, что автором портрета не мог быть В.А.Тропинин, хотя время его создания – вторая четверть XIX века.

Итак, портрет перешел в столь нелюбимую музейными работниками категорию «неизвестный художник».

Однако, на этом сюрпризы, преподнесенные портретом, не окончились. Желая отыскать для сравнения аналогичные изображения Е.А.Архаровой, я обратилась к настольной книге всех, кто занимается русской портретной живописью XVIII-XIX веков – к пятитомному изданию «Русские портреты XVIII-XIX столетий», изданному великим князем Николаем Михайловичем Романовым. Конечно, там оказался портрет Е.А.Архаровой, написанный В.Л.Боровиковским, но он не имел абсолютно никакого иконографического сходства с нашим. Значит, на нашем портрете изображена вовсе не Архарова, а кто-то другая?

Продолжая просматривать иллюстрации в велико княжеском издании, я вдруг обнаружила женский портрет, совершенно идентичный нашему. Это был портрет графини Марии Алексеевны Толстой, урожденной княжны Голицыной. Автор портрета не был известен, но именно это изображение было взято за основу живописцем, исполнившим картину из музейного собрания. Ничего не изменив в лице М.А.Толстой, он изобразил ее в костюме начала 1830-х годов, хотя Мария Алексеевна умерла в 1826 году в Москве. Таким образом, портрет оказался посмертным, а не написанным с натуры.

Но самый главный сюрприз нас ожидал, когда, заинтересовавшись биографией Марии Алексеевны Го-

лицыной-Толстой, мы неожиданно выяснили, что она являлась правнучкой карталинского царя Вахтанга VI, который по политическим мотивам был вынужден эмигрировать в Москву. Родителями Марии Алексеев-

Тбилисский экспонат

ны были князь Алексей Борисович Голицын и княжна Анна Георгиевна (Егоровна) Грузинская, которая приходилась дочерью царевичу Георгию, сыну Вахтанга VI. Она родилась в 1754 году и умерла в 1779-м, оставив малолетних дочерей, взятых императрицей Екатериной Великой под свое личное покровительство. Муж Марии Алексеевны, граф Петр Александрович Толстой был известным дипломатом и ярким противником Наполеона Бонапарта. После его смерти она переехала в Москву, где и жила безвыездно вплоть до своей смерти в 1826 году, поражая москвичей «оригинальным умом и необыкновенными странностями», как писал один из современников. В высшем московском свете она пользовалась непререкаемым авторитетом, и именно ее суда так страшился Грибоедовский персонаж Фамусов, взывая: «Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна?»

Вот таким неожиданным образом раскрылась тайна старого портрета из нашего музейного собрания.

НОННА ЭЛИЗБАРАШВИЛИ

СЛУГА ДВУХ ГОСПОД

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
КОТЭ МАХАРАДЗЕ

Природа редко кого одаривает столькими талантами и так щедро, как Котэ Махарадзе. Актер, режиссер, комментатор, и в каждом этом качестве - блестящий, оригинальный, неповторимый. К тому же - интеллектуал, эрудит с энциклопедическими знаниями, человек удивительной душевной открытости, доброжелательности и обаяния. Одним словом, личность!

Он называл себя слугой двух господ и даже озглавил так одну из своих увлекательных книг, в которой предстал еще и как интересный рассказчик, с ярким, ни на кого не похожим почерком (книга эта была издана на грузинском, русском и украинском языках).

Но служил он этим двум господам - театральному искусству и спорту - не с рабской покорностью, а как рыцарь, - преданно и вдохновенно. И писал о двух своих профессиях по-юношески пылко, восторженно.

«Театр вечен, как древнее изваяние, и каждодневен, как газета. Менялись эпохи, общественные формации, династии, а театр жил, совершенствовался, шагал вперед. Паяцев избивали, артистов предавали анафеме, скоморохов вешали, но на их места вставали новые когорты сакраментальной породы человеческого рода. Гонимые, презираемые, преследуемые, они каждый раз гордо вскидывали покрытые вековыми сединами,

непокорные головы и являлись миру молодыми и красивыми, дерзко шагая через хребты веков и через головы правительств... Близко сошлись в моей жизни, иногда переплетаясь, две профессии. Профессии разные и схожие одновременно. Многие годы я служу этим двум своим господам, всячески стараясь быть верным обоим. С высоты прожитых лет смею утверждать, что эти две профессии, в своей основе, непременно должны нести добро, и это – главное. Иначе ни артист, ни комментатор просто невыносимы» (из книги «Репортаж без микрофона»).

Путь Котэ Махарадзе в искусстве начался в 1948 году, когда он окончил театральный институт. Он был воспитанником замечательного режиссера и педагога «неутомимого и неугомонного» Додо Алексидзе, о котором всегда вспоминал тепло и с благодарностью. Молодой Котэ Махарадзе многим виделся актером героического плана, но после первых же сыгранных им

Додо Алексидзе). Еще одним заметным успехом молодого актера стала роль Юлиуса Фучика в спектакле «Люди, будьте бдительны!», поставленном Михаилом Туманишвили по книге Фучика «Репортаж с петлей на шее».

Совершенствуя свое актерское мастерство, Котэ Махарадзе создал и впечатляющую сценическую галерею драматических образов. Это – бесстрашный Киквидзе («Песня о Соколе» В.Дарасели), подобный античной скульптуре Креонт («Царь Эдип» Софокла), Лаэрт с манерами рыцаря эпохи Возрождения («Гамлет» Шекспира), мудрый Миндия («Миндия Хогая» К. Гамсахурдиа). Играл он и Кассио в знаменитом спектакле «Отелло» руставелевцев вместе с великим Акакием Хорава. И все же ярче всего его актерская индивидуальность проявилась тогда в образе юного героя Андареза в «Бахтриони» по Важа Пшавела. В этом блестящем спектакле Додо Алексидзе он создал романтически возвышенный образ такого же звучания, как поэзия, музыка.

С приходом Котэ Махарадзе в 1971 году в театр Марджанишвили начался новый этап его сценической деятельности, отмеченный зрелостью мастерства, творческим подъемом. Многообразный репертуар марджановцев открыл перед ним новые возможности, позволил найти свое место в этом прекрасном театре и создать незабываемые образы: символ идеальной дружбы маркиз де Поза («Дон Карлос» Шиллера), итальянец Антонио Турачини, которого любовь побудила вернуться на Украину («Память сердца» А.Корнейчука), фанатичный театрал Нароков в «Талантах и поклонниках» А. Островского, обаятельный авантюрист, грузинский Остап Бендер Квачи Квачантирадзе (по одноименному роману Михаила Джавахишвили, инсценировка Котэ Махарадзе).

«Квачи в исполнении Котэ Махарадзе куда крупнее Хлестакова, это авантюрист большого масштаба. Не впусите в свою жизнь хоть отдаленно с ним схожих! – словно слышишь со сцены предостережение, идет на смехе...», - с восторгом писала Наталия Сац.

Все эти контрастные образы, созданные актером в спектаклях Додо Алексидзе, были итогом не просто совместной работы ученика и учителя, а плодом творческого союза двух зрелых мастеров сцены. Котэ Махарадзе как актер воплощал близкую ему режиссерскую эстетику своего учителя, вместе с тем легко усваивая эстетику, обусловленную жанровым различием той или иной роли.

Блистательной творческой победой стал его Уриель Акоста («Уриель Акоста» К.Гуцков) в одноименном спектакле марджановцев (этот спектакль Котэ Марджанишвили восстановила Верико Анджапаридзе). В эту роль он вложил не только большое актерское мастерство, но всю свою духовную энергетику, создав незабываемый образ.

Во время гастролей марджановцев в 1972 году в северной столице России известный критик Раиса Бениаш писала: «Патетика Котэ Махарадзе смягчена печалью. Ни тени фанатичной одержимости в его убежденности. Он отстаивает не столько свои верова-

С супругой

характерных ролей стало очевидно, что диапазон его таланта шире и многообразнее. Артистическую легкость, тонкую иронию привнес он в исполнение роли старого ревнивца Бартолуса в «Испанском священнике» постановки Михаила Туманишвили; в гротескной манере создал образ Самсона в «Пэпо» (постановка

ния, сколько свободу человеческих верований вообще. И это придает риторической расцвеченности текста Гущкова горестную и современную человечность, свободу, интимную первозданность мысли. Ни в чем не погрешив против заданных ритмов спектакля, актер, где-то со свойственным ему вообще чувством меры, эти ритмы еще обостряет...»

Котэ Махарадзе всегда чутко улавливал пульс времени и по каждому жизненно важному вопросу имел свою гражданскую позицию. Поэтому он с особым интересом брался за роли в пьесах на современные темы.

Из произведений грузинской драматургии он воплотил на сцене образы Давида Баратели («Судья» Г. Хухашвили), Бесо («Гнездо на девятом этаже» Т. Чиладзе), Бачаны Рамишвили («Закон вечности» Н. Думбадзе) и другие.

Он умел несколькими неброскими штрихами, психологическими нюансами глубоко проникнуть во внутренний мир нашего современника. Такой сценически правдивый образ Мурмана он создал в спектакле по пьесе Л. Росеба «Провинциальная история». За эту роль был удостоен премии имени Котэ Марджанишвили. А вот как отозвался Михаил Туманишвили на премьеру спектакля «Лицом к лицу», в котором актер играл роль Михаила: «Недавно посмотрел спектакль «Лицом к лицу» по пьесе Гельмана. Молодец, Котэ! Мы соскучились по интересным актерским работам, когда театр незаметно затягивает тебя в плен своей волшебной магии, когда актер перевоплощается на сцене в кого-то совсем другого и вместе с тем остается самим собой».

Котэ Махарадзе принадлежал к числу творческих личностей, которые всю жизнь находятся в неустанном поиске. Интеллектуал с широким кругозором, он обладал способностью разглядеть в герое произведения черты, скрытые от поверхностного взгляда, и представить зрителю свое оригинальное видение того или иного персонажа. Такими, не похожими на уже укоренившийся стереотип были его Сальери, сненаемый завистью к гению Моцарта («Амадеус» Г.Шиффер), и толстовский Каренин. По поводу трактовки актером этого образа критик А. Борташевич писал: «Котэ Махарадзе играет очень современного Каренина, именно таким, в каком нуждается современный театр. Созданный им образ не похож на остальных. Такого Каренина еще никто не играл, и это, разумеется, надо приветствовать. Давно настало время переоценки этого характера. Толстовский Каренин не только строг и несет несчастье окружающим, он и сам несет груз этих несчастий. Котэ Махарадзе очень тонко и художественно перенес акцент именно на это».

Каким бы популярным ни был актер, все-таки круг его поклонников, как и самого театра, был намного уже, чем «целая галактика любителей спорта, в частности футбола».

Начиная с 1957 года, когда он вышел в эфир с первым репортажем, театр и спорт тесно переплелись в его жизни. Вот как он сам писал об этом в книге «Репортаж без микрофона», «подводящей, по большо-

му счету, итог всего жизненного пути»: «Оговорюсь сразу: в первую очередь я, конечно же, актер. Это моя основная профессия... Но случилось так – хвала providению! – что я приобщился к профессии комментатора, и именно здесь мое «я», актерское «я», если хотите, проявилось в полной мере».

Он вел свои репортажи из разных стран, где проходили Олимпийские игры, чемпионаты мира, Европы. И каждый его выход в эфир был тоже актерским действием, но только за кадром. И всю гамму эмоций, драматических коллизий, происходящих на поле, Котэ передавал своим выразительным голосом, с особой, только ему присущей тональностью. Он, как никто другой, умел с первых же минут матча установить доверительный контакт с огромной аудиторией телезрителей и радиослушателей, дополняя своим в высшей степени компетентным, темпераментным ведением картину футбольных баталий.

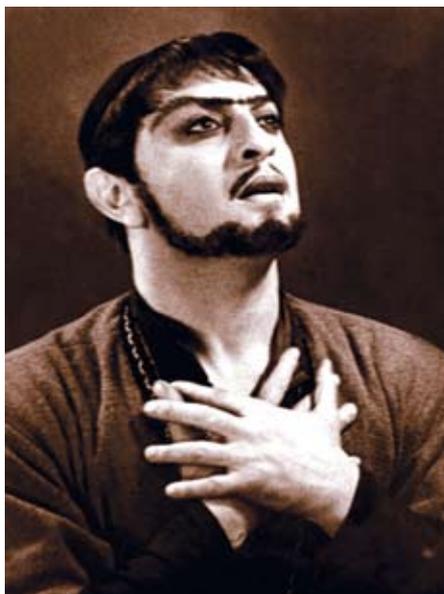
Актер Котэ Махарадзе и он же широко известный миллионам спортивных болельщиков радиоконментатор – это неразделимый сплав большого и разностроннего таланта.

В 1986 году Котэ Махарадзе создал театр одного актера. Вначале он размещался в маленькой церкви в одном из кварталов старого Тбилиси, затем обосновался в бывшем дворце царицы Дареджан, а позднее – в доме-музее Верико Анджапаридзе и Михаила Чиаурели. Своему детищу он дал имя «Верико», в честь великой актрисы, «божественной Верико», перед которой преклонялся всю жизнь.

Театр одного актера сразу же завоевал признание и зрителей и критики и стал неотъемлемой частью грузинской театральной культуры. А его создатель предстал новой яркой гранью своего таланта. По два-три часа наедине со зрителем, побуждая его сопереживать взволнованному повествованию – это требовало напряжения всех интеллектуальных и духовных сил, высшего актерского мастерства. Он покорял зрителя то лирической интонацией, то иронией и сарказмом, вызывая к его чувствам, наводя на размышления не только о судьбах выдающихся личностей, о которых ведет рассказ в моноспектакле, но и о смысле, правде жизни. Будь то подобное исповеди повествование о великом сыне Грузии Илье Чавчавадзе или приобщение к поэтическому миру Акакия Церетели; воссоздание событий, отражающих судьбу многострадального еврейского народа или тысячелетнюю историю династии Багратиони; или же собственный, беспристрастный анализ феномена Сталина – это всегда был синтез эмоций, публицистики и документально подкрепленной достоверности фактов.

Котэ Махарадзе, по собственному признанию, нигде

и никогда не вел записей, не корпел над дневниками, не собирал материалы о своем творчестве. Среди сохранившихся документов и фотоматериалов можно видеть пожелтевшую от времени четвертую страницу газеты «Заря Востока» за 1936 год, на которой запечатлен учащийся хореографического училища Котэ Махарадзе в главной партии балета Чайковского «Щелкунчик», которым дирижировал Евгений Микеладзе; стихотворение Маяковского в отличном переводе самого Котэ (Маяковского он превосходно читал и с эстрады); благодарственное письмо Вахтанга Чабукиани за снятый Котэ Махарадзе фильм «Чародей танца»; фото греческой актрисы Аспасии Папатанасиу с дарственной надписью: «Моему замечательному партнеру»; фотографию Майи Плисецкой вместе с итальянским футболистом Росси с надписью: «В знак новой дружбы»; автографы Ираклия Абашидзе, Бориса Пайчадзе, Михаила Ботвинника, Льва Яшина, Олега Блохина, Аркадия Райкина, Шарля Азнавура, Фрунзика Мкртчяна, Сергея Параджанова, Васо Годзишвили, Евгения Евтушенко («Лучшему комментатору мира»).

В дни своих юбилеев (1986 и 2001 гг.) Котэ Махарадзе получал многочисленные теплые поздравления не только от своих коллег по театру и спорту, но и от президентов, которые тоже были почитателями его таланта.

«Как я насторожился вначале, увидев твои яркие, острые приспособления перед камерой, перед которой, считал я по привычке, надо быть скромным, сереньким, одним словом, естественным! Но ты с каждым кадром убеждал меня в необходимости дерзать и ярко проявлять себя – частицу этого веселого и блистательного мира! Спасибо за науку! Откуда в тебе это?! Потому, что ты – грузин? Но ведь и я ...От любви к замечательной Софики? От поколения гениальной Верико? Все, что ты делаешь, ты делаешь ярко, вкусно, талантливо!..»

Олег Басилашвили

«Пока его нет рядом, он принадлежит всем и никому, но стоит приблизиться к нему, как ты становишься богачом. Но в отличие от драгоценностей, которые

можно запереть в шкатулке, в тайнике, Котэ исчезает от «всегда» и «надолго», пообещав и скрепив свое обещание самой страшной клятвой, что придет ко всем всегда и завтра. Его все ищут, но никто не находит».

Алексей Петренко

«Котэ Махарадзе – прекрасный актер! Это вулкан театральной Грузии, но извержение этого вулкана доходит в самые отдаленные уголки нашей страны своей душевной термичностью. Настоящего актера можно проверить не только в его профессии. Например, Федор Шаляпин занимался скульптурой, но во время сеансов было видно, что это – великий певец».

Рачия Капаланя

«Котэ Махарадзе – натура широкая, он очень контактен и обаятелен. Общение с ним интересно не только потому, что от него можно получить новую спортивную информацию, но и потому, что его азартность и открытость представляют возможность открыть в себе те же качества, какие-то новые грани характера!»

Михаил Квливидзе

У самого Котэ Махарадзе тоже были свои кумиры и в искусстве – Акакий Хорава, Вахтанг Чабукиани, Верико Анджапаридзе, и в спорте – Борис Пайчадзе, Пеле («король на все времена»), Давид Кипиани. Трепетно относился он к своему учителю Додо Алексидзе, был другом Эроси Манджгаладзе, Бадри Кобахидзе, Зураба Анджапаридзе, Таризела Сакварелидзе, Зураба Лаперадзе. Будучи на протяжении многих лет педагогом Театрального института, где преподавал технику речи, гордился успехами своих студентов, многие из которых – Кахи Кавсадзе, Тенгиз Арчвадзе, Гиви Берикашвили – стали известными актерами и сказали свое слово в национальном театральном искусстве.

Сам Котэ, безусловно, был одним из лидеров грузинской культуры и гражданином своей страны в самом высоком понимании этого слова.

Когда в очередной раз обострились российско-грузинские отношения, Котэ Махарадзе счел своим гражданским долгом публично откликнуться на создавшуюся ситуацию и опубликовал в прессе открытые письма вначале к руководителям 90-ых годов прошлого столетия, а позднее – лично президенту России Владимиру Путину. Со свойственным ему тактом, в дружелюбном тоне, но вместе с тем принципиально и откровенно он выразил свою позицию. Наверное, во многом именно этой подкупающей откровенностью был вызван неожиданный телефонный звонок российского президента на юбилейном вечере Котэ Махарадзе в 2001-м году и его теплые поздравления.

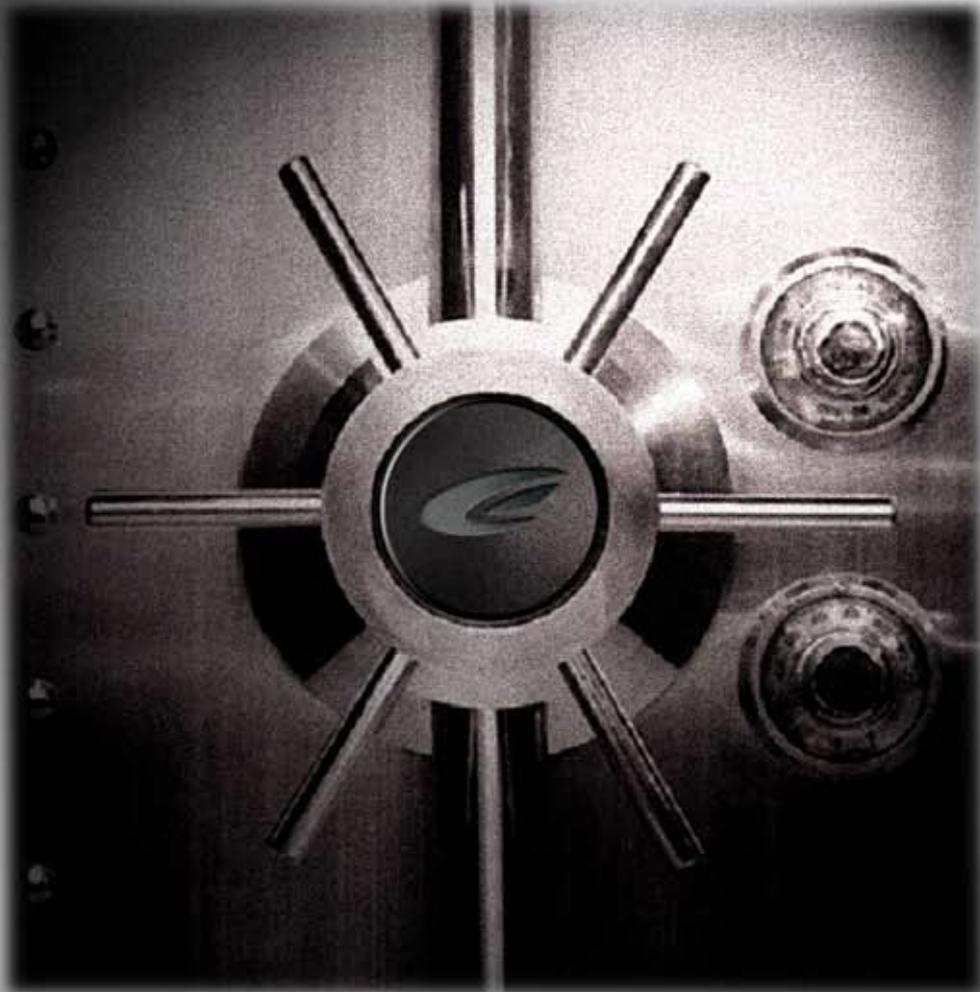
17 ноября Котэ Махарадзе исполнилось бы 80 лет. Уже посмертно он был отмечен еще одной высокой государственной наградой – премией имени Руставели. И это – еще одно признание его вклада в отечественную культуру, его больших заслуг перед своей страной, своим народом.

КОТЭ НИНИКАШВИЛИ

გაერთიანებული ქართული ბანკი
UNITED GEORGIAN BANK

Address: 14 Chanturia Str. Tbilisi, 0102 Georgia
Telephone: (+ 995 32) 505-505
Fax: (+ 995 32) 505-500
E-mail: admin@ugb.com.ge
Internet: www.ugb.ge

 ბანკი ქართვ
CARTU BANK